

ДЖУЛИ СИ ДАО

ЛЕС
ТЫСЯЧИ
ФОНАРИКОВ

*«Один из лучших
дебютных романов
в жанре фэнтези».
Publishers Weekly*

#YoungFantasy

Джули Си Дао

Лес тысячи фонариков

«АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Дао Д.

Лес тысячи фонариков / Д. Дао — «АСТ»,
2017 — (#YoungFantasy)

ISBN 978-5-17-109342-6

Сифэн молода и прекрасна. Однако она всего лишь бедная крестьянская девушка, а может стать властительницей мира – если прибегнет к темной магии и принесет в жертву свою любовь. Но стоит ли трон такой расплаты?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-109342-6

© Дао Д., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Действующие лица	6
1	8
2	13
3	18
4	21
5	25
6	29
7	35
8	40
9	43
10	47
11	52
12	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джули Си Дао

Лес тысячи фонариков

Julie C. Dao
FOREST OF A THOUSAND LANTERNS

*This edition published by arrangement with Philomel Books,
an imprint of Penguin Young Readers Group,
a division of Penguin Random House LLC.*

Copyright © 2017 by Julie C. Dao
All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.
© А. Т. Лифшиц, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Маме.
Посвящаю тебе свою первую книгу, с благодарностью за твою
любовь и поддержку*

Действующие лица

ДЕРЕВНЯ

Сифэн
Гума, тетка Сифэн
Минчжу, мать Сифэн
Хоу, фамилия семьи Сифэн
Вэй, возлюбленный Сифэн
Нин, помощница в доме Гумы и Сифэн

ПУТЕШЕСТВИЯ

Сиро, посланник Камацу
Хидэки, солдат из Камацу
Исао, солдат из Камацу
Королева Тэнгару
Акира, женщина-врач

ДВОРЕЦ

ЧЛЕНЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ

Император Цзюнь, правитель Фэн Лу, второй муж Императрицы Лихуа
Императрица Лихуа, супруга Императора Фэн Лу
Наследный принц, старший сын Императрицы Лихуа, командующий Императорской армией
Второй принц, средний сын Императрицы Лихуа, порывистый и храбрый воин
Третий принц, младший сын Императрицы Лихуа, слабый и болезненный юноша

ПРИДВОРНЫЕ ДАМЫ И НАЛОЖНИЦЫ

Мадам Хун, фрейлина Императрицы Лихуа
Госпожа Сунь, любимая наложница Императора
Госпожа Ман, бездетная наложница

ЕВНУХИ

Господин Юй, главный евнух Императорского Дворца
Кан, евнух, преданный друг Сифэн

ПРОЧИЕ ПЕРСОНАЖИ

Бохай, императорский лекарь
Койчи, сын Сиро

ЦАРСТВО ПОВЕЛИТЕЛЯ ДРАКОНОВ

Фэн Лу, континент

Царь Драконов/Владыка Леса

Подвластная территория: Царство Великого Леса

Стихия: Дерево

Владыка Моря

Подвластная территория: Царство Безбрежного Моря/Камацу

Стихия: Вода

Владыка Пустыни

Подвластная территория: Царство Зыбучих Песков/Сурджалана

Стихия: Огонь

Владыка Четырех Ветров

Подвластная территория: Царство Четырех Ветров/Даговад

Стихия: Металл

Владыка Степи

Подвластная территория: Царство Священной Степи

Стихия: Земля

1

Процессия растянулась вдоль вымощенной булыжником дороги – змея, состоящая из мужчин в красных и золотых одеждах: цвета Императора. Они вышагивали, не обращая внимания на разинутые рты городского люда, глазающего на знамя с императорским гербом: дракон, обхвативший загнутым когтем изображение леса. Показались задрапированные алым шелком носилки, их тащили на плечах четверо слуг. Люди вытягивали шеи в попытке разглядеть ту, что находилась внутри, однако сквозь развевающиеся занавески лишь на мгновение мелькал и вновь исчезал дразнящий воображение образ: алые губы, золотые цветы в блестящих волосах и одеяния, стоявшие столько, сколько ни один из них не смог бы заработать во весь свой век.

– Новый день – новая наложница, – горбленная старуха обнажила немногие оставшиеся у нее во рту зубы.

– Похоже, у него есть аппетит на хорошеньких деревенских девчонок. Да будут благословенны его дни, – добавила она поспешно, на случай, если какой-нибудь солдат услышит, как она осуждает своего господина.

– Император не должен придавать значение происхождению, когда речь идет о красоте, – согласилась находившаяся поблизости женщина, которая выглядела моложе первой, но имела столь же согнутую спину. Всем своим весом она опиралась на здоровую ногу, в то время как ее вторая, скрюченная нога безжизненно висела наподобие высохшей ветки дерева. Женщина перевела проницательный взгляд с процессии на стоящую рядом с ней девушку.

Впрочем, она была не единственной, кто смотрел на девушку. Сразу несколько марширующих мимо них солдат останавливали на ней свои восхищенные взгляды.

Одежда девушки была такой же выцветшей и ветхой, как и у окружающих ее людей. Однако лицо ее было так прекрасно, словно она сошла с картины: совершенный овал, похожие на лепестки лотоса губы и хорошенький прямой носик. На вид она была само послушание и невинность, но во взгляде, живом и умном, читался совсем иной характер. Казалось, сияние ее глаз будет заметным даже в темноте.

– Он не должен придавать значения, – повторила женщина. – Что ты на это скажешь, Сифэн?

– Я желаю счастья Императору, Гума. Она, должно быть, особенная, раз Император выбрал ее для себя, – почтительно ответила девушка, но ее блестящие черные глаза при этом загорелись.

Во дворце рабы омоют ступни юной наложницы в воде с лепестками цветов апельсина. Каждая складочка ее тела будет благоухать жасмином и, когда Император коснется губами нежной кожи, он ничего не узнает о пережитых ею бедности и невзгодах, тех, которые, подобно поту, проступали на теле Сифэн.

– Она не более особенная, чем ты.

Слова Гумы не были продиктованы любовью: всего лишь констатация факта. Однако это были просто слова, вроде тех, что она повторяла годами. Шаркая, она придвинулась к Сифэн и подхватила ее под локоть своей птичьей лапкой.

– Пойдем. У нее, возможно, впереди шелка и богатство, ну а нам с тобой надо возвращаться к своим иголкам. Сегодня вечером опять погадаем на картах, – добавила она, вложив в свой голос всю нежность, на которую только была способна.

Сифэн знала, что подобные проблески доброты со стороны тетки в любой момент могут смениться мрачным настроением. Она склонила голову с выражением благодарной покорности, подхватила корзинку со скудными покупками, и пара побрела домой.

Они жили неподалеку от центра городка, впрочем, для обозначения покрытой грязью площади слово «центр» казалось чересчур пышным. Здесь крестьяне в лохмотьях и беззубые

старухи высматривали убогие товары, знававшие лучшие времена: червивые овощи, треснутую посуду, тупые ножи и дешевую рогожную ткань.

Накануне ночью прошел дождь; ранний весенний ливень был, несомненно, полезен для посевов риса и прочих злаков, но он же оставил после себя потоки жидкой грязи и мусора. Несколько тощих цыплят носились по полю, отмечая свой маршрут следами жидкого помета; из сырой хижины выглянула женщина и стала визгливо кричать на это неуправляемое отродье.

Случались дни, когда Сифэн хотелось, чтобы опостылевший городок сгорел дотла. Она жаждала оставить его навсегда и никогда не вспоминать. Больно было даже думать, что она может застрять тут до конца своих дней, в то время как императорский паланкин уносит ту, другую, девушку прямо в усланную лебяжьими перинами императорскую постель.

Почувствовав на себе зоркий взгляд Гумы, девушка тут же придала своему лицу безразличное выражение. Покажи она, что несчастлива, тетка воспримет это как черную неблагодарность в ответ на все принесенные ею жертвы. И впрямь, Гума вовсе не обязана была брать на воспитание незаконнорожденную дочь своей сестры, покрывшей позором доброе имя семьи и покончившей жизнь самоубийством. А еще, хотя Сифэн и исполнилось уже восемнадцать, она знала, что при малейшем знаке недовольства с ее стороны ее тут же наградят дюжиной ударов бамбуковой палкой. Она внутренне вздрогнула, подумав о шрамах у себя на спине, которые только сейчас начали заживать.

И тут появился он, шедший им навстречу, как будто ее мысли магическим образом вызвали его.

Вэй. Из-за него она и заработала эти шрамы.

Его гордо посаженная бритая голова была повернута в сторону, он загляделся на ссору хозяина таверны с постояльцем на противоположной стороне улицы. В профиль черты его лица казались более резкими, воинственными и прекрасными; он продирался сквозь толпу, и мужчины уступали ему дорогу. Мощные бычьи плечи, бугрящиеся мышцы на обнаженных руках и свирепый взгляд делали его живым воплощением бога войны. Но эти огромные, могучие руки, в которых сейчас он нес охапку ржавых мечей, нуждавшихся в починке, – о, Сифэн знала, какими нежными они могут быть! Ее кожа помнила их прикосновение, и девушке пришлось приложить усилия, чтобы не выдать охватившую ее при этом воспоминании дрожь, поскольку Гума по-прежнему не сводила с нее проницательных глаз.

– Что бы вы хотели сегодня на ужин? – голос Сифэн был ровным, словно она вовсе не была знакома с приближающимся к ним мужчиной.

Вэй повернул голову. Теперь он их заметил, и от этого по телу девушки пробежали мурашки. Она замерла: вдруг он сейчас скажет что-нибудь?

Ему казалось, что раз он физически сильнее Гумы, то в состоянии одержать над ней победу и освободить Сифэн из-под ее власти. На самом же деле сила бывает разных сортов, и вовсе не в их интересах было сердить Гуму: неизвестно, кто вышел бы победителем.

Сифэн погладила напрягшуюся руку тетки, стараясь изобразить свою к ней безграничную привязанность.

– Хотите, я сварю суп из этих креветок? Или, может, лучше пожарить репу?

Напряжение спало. Вэй прошел мимо, не произнеся ни звука. Сифэн подавила вздох облегчения, отложив его до того момента, когда она наконец останется одна в кухне.

– Приготовь креветки, – невозмутимо сказала Гума, – а то они вот-вот испортятся.

Спустя несколько минут они были уже дома.

Когда-то весь этот дом с красивым фасадом из темного дуба и массивными воротами с вырезанным на них изображением взлетающего феникса принадлежал деду и бабке Сифэн. До войны они держали процветающую портняжную мастерскую; в этом доме выросли Гума и ее младшая сестра Минчжу. Правда, для Сифэн было легче вообразить прошлое величие этих обветшалых стен, нежели представить то время, когда Гума была ребенком.

Несмотря на убогое состояние дома, им удалось сдать нижний этаж некой супружеской паре под чайную. Гума и Сифэн жили на продуваемых сквозняком верхних этажах вместе с Нин – девчонкой, нанятой для помощи в их ремесле, вышивке и шитье. Нин ждала их у ворот, и, хотя ей было всего пятнадцать, взгляд, которым эта тощая пигалица проводила удалявшуюся крепкую спину Вэя, был совершенно взрослый и женский. Сифэн не раз замечала, как Нин гладела на него, но никогда еще во взгляде девочки не читалось такого необузданного и страстного желания. Она почти физически ощущала исходившую от Нин волну вожделения.

В глубине души Сифэн чувствовала прилив растущего гнева.

Однако прежде, чем она смогла как-либо выразить переполнявшую ее ярость, Гума высвободила свою руку и наградила Нин увесистой пощечиной.

– Ты почему здесь болтаешься? Я тебе плачу не затем, чтобы ты тут прохлаждалась и глазки строила! – вопила она, в то время как девица, шмыгая носом, терла покрасневшую щеку. – Живо наверх!

Прежде чем выполнить приказ, Нин перевела заплаканные глаза на Сифэн, но та, хоть ее и кольнула мгновенная жалость, промолчала. Она знала, что на самом деле пощечина предназначалась *для нее самой*, но, поскольку девушке удалось глубоко запрятать свои чувства, Гуме пришлось сорвать гнев, переполнявший ее, как пар переполняет кипящий чайник, на служанке. Сифэн провожала взглядом уныло карабкавшуюся вверх по лестнице Нин со смешанным чувством жалости и удовлетворения: девица не имела никакого права претендовать на Вэя и получила по заслугам.

Тем не менее успокаиваться было рано. Гума вновь схватила Сифэн за руку, да так крепко, что едва не оставила синяк. Лицо ее сморщилось наподобие сушеной груши, что заставило ее выглядеть старше своих сорока лет.

– Не воображай, пожалуйста, будто я не знаю, что у тебя на его счет те же планы, – прошипела она, обдавая Сифэн кислым дыханием. – Не думай, что мне неизвестно, куда ты бегаешь тайком, сколько тебя ни лупи.

Сифэн стояла с опущенными глазами, прикусив щеку от боли, которую ей причиняли вцепившиеся в руку ногти Гумы, а в душе у нее клочотала ненависть. Как бы тяжело она ни трудилась, как бы послушно себя ни вела, в ответ ей доставались лишь презрение да побои.

– Неужто ты не понимаешь, что он тебя не достоин? Ты заслуживаешь лучшего! – и, хотя одной рукой тетка по-прежнему цепко держала Сифэн за локоть, другой она нежно погладила ее по щеке.

Этот простой материнский жест мгновенно растопил всю ненависть. Сифэн прильнула щекой к теткой руке, позабыв о боли.

– Ну а теперь иди помоги мне наверху, дитя.

Даже сейчас уже выросшей Сифэн верхняя часть дома, как и в детстве, представлялась бесконечным лабиринтом. Каждое помещение когда-то имело определенное предназначение. Сухие цветы по-прежнему устилали пол одной из комнат, где много лет назад они свисали с потолочных балок над чанами с кипящей водой, готовые превратиться в красители для тканей. В соседнем помещении обрывки нитей все еще льнули к заброшенным ткацким станкам, словно отказываясь расстаться с прошлым. Большой зал в задней части дома был когда-то заполнен целой армией наемных работниц, чьи быстрые умные руки покрывали вышивкой бесконечные аршины шелковых тканей, предназначавшихся для знатных заказчиц.

Те времена давно остались в прошлом. Теперь они пользовались только четырьмя комнатами: в двух они спали, в третьей – готовили, а в последней – обедали и шили. Сифэн подвела Гуму к ее стулу в этой последней комнате, где уже сидела надувшаяся Нин, подрубая голубой нитью квадрат хлопковой ткани.

– Следи за стежками, – сказала ей Сифэн, получив в ответ злобный взгляд.

Нин была родом из пропахшей рыбой и бедностью деревушки на побережье. Гума наняла ее, предварительно проверив, как та владеет иголкой. С тех пор девчонка стала тенью Сифэн, вроде надоедливой младшей сестры, которой у девушки никогда не было. Нин следовала за ней повсюду, задавая вопросы, подражая ее движениям, манере говорить, копируя прическу. Во всем этом была и доля соперничества; Сифэн подозревала, что теперь девица переключилась с попыток понравиться Гуме на то, чтобы понравиться Вэю.

Нин бросила на Сифэн испуганный взгляд, и та поняла, что смотрела на девочку слишком пристально. Девушка тут же отвернулась и разложила на коленях у Гумы кусок бледно-розового шелка.

Вот уже несколько недель они украшали ткань вышивкой из цветов сливы. Тетка высмеивала выбор цвета и фасон, которые выдавали низкое происхождение женщины, заказавшей одеяние для званого обеда. По-настоящему родовитая женщина предпочла бы шелк более дорогой и темных оттенков. Но Сифэн подумала с тоской, что с радостью надела бы одежду из самого дешевого шелка, лишь бы попасть хоть на какой-нибудь праздник.

– Иди приготовь еду и не задерживайся, – сердито приказала Гума. – У нас всего два дня, чтобы закончить работу, а ты потеряла уйму времени, глаза на новую наложницу.

Сифэн промолчала в ответ на несправедливое замечание. Ведь это Гума заставила ее стоять в ожидании процессии холодным весенним утром: тетке хотелось сравнить свою племянницу с новым приобретением для императорского гарема.

– Она красивая? – робко спросила Нин.

– Само собой, – отрезала Гума, хотя ей удалось разглядеть не больше, чем кому бы то ни было в толпе. – Неужто ты думаешь, что Император может выбрать уродину вроде тебя, чтобы она рожала ему детей?

Сифэн отвернулась, пытаясь скрыть улыбку, и направилась с корзиной по коридору. Гума права. Вэй *никогда* не взглянет на такую простушку с лицом круглым как луна. У него ведь есть *она*.

– Но ведь Нин не выбирала свою внешность, – подумала девушка, вновь испытав прилив жалости. – Так же как и я не выбирала свою. Сифэн поставила на огонь горшок с водой, разглядывая в нем свое отражение.

Каждый день, вот уже восемнадцать лет она, умываясь, видела на поверхности воды это лицо. Ей никогда не требовалось ничего говорить. От нее вообще ничего не требовалось. Стоило ей с этим лицом просто выйти из дому, как девушке уже подмигивал хозяин таверны, мясник отрезал для нее лучший кусок мяса, а торговец на площади выбирал для нее одну-две хорошенькие бусины. Однажды ей даже подарили гранат. Вэй пришел в ярость, когда она об этом рассказала, и хотел заставить ее выбросить гранат, но Сифэн уже отнесла его домой Гуме.

– Я ничего ни у кого не прошу, – протестовала она, сравнивая свою полученную от природы внешность с его природным талантом в обработке металла. Городские ремесленники часто нанимали его, так как он умел изготовить красивейший меч из любого уродливого куска бронзы. Как бы то ни было, Вэй сердился и с угрюмым видом отказывался принимать ее объяснения.

Возможно, у новой наложницы Императора было такое же хорошенькое личико, как и у Сифэн. Наверное, даже красивей, ведь благодаря ему она получила для себя место в Императорском Дворце.

Вода закипела, и Сифэн, с досадой отвернувшись от своего отражения, стала готовить заправку для супа из креветок. Она шинковала остатки имбиря и зеленого лука, надеясь про себя, что заказчица останется довольна изделием из розового шелка и сразу же заплатит за работу. До этого момента они не смогут позволить себе купить еще овощей, а необходимость питаться пустым рисом – как это часто с ними случалось в прошлом – всегда заставляла Гуму злиться.

Сифэн понесла приготовленную еду в гостиную. Трапеза прошла мирно, лишь однажды прерванная ворчанием Гумы по поводу неправильно сваренных креветок, после чего они снова принялись за работу и закончили ее после захода солнца.

За работой Сифэн декламировала стихи, Гума требовала, чтобы девушка делала это как можно чаще. Тетка с детства вбивала в голову племяннице, что знания поэзии, каллиграфии и музыки отличают женщин благородного происхождения, поэтому Сифэн пришлось провести много бессонных ночей за учением. Она бы, может, и сопротивлялась этому, если бы не понимала, что Гума желает для нее лучшей доли и *рассчитывает*, что девушке удастся выбиться в свет.

*Луна льет на нас свой свет, возлюбленная,
Вода – бескрайнее вечное зеркало,
Шепчут нежные ветви.
Отверни свой лик от хрупкости этого мира
в яблоневои цвету
И прими в свои объятия вечную ночь.*

Рука Гумы, вышивавшая лепесток цветка сливы, замерла, ее ноздри затрепетали.

– Откуда ты это взяла? – требовательно спросила она.

– В одной из ваших книг, – Сифэн жестом показала на пыльную горку сочинений в углу – то немного, что сохранилось от школьных дней ее матери и тетки. Она часто задумывалась о том, насколько состоятельны были родители ее матери, если могли позволить себе покупать такие дорогие вещи даже для детей.

– Покажи-ка это мне.

Тон, каким тетка это произнесла, заставил Сифэн немедленно отложить в сторону иголку. Она нашла нужный том, который был тоньше и новее остальных, и принесла его женщине. Гума внимательно рассматривала книгу. Поджав губы, она провела пальцами по простому корешку и повернула том, чтобы посмотреть на название: «Песни любви и верности».

Она поспешно, как будто книга жгла ей пальцы, сунула ее обратно в руки Сифэн.

– Нин, не пора ли тебе идти спать?

Пока Нин складывала свою работу и зажигала красные сальные свечи, Сифэн не спускала глаз с тетки. Она не отдавала себе отчета, что солнце уже зашло, до тех пор пока свет от свечей не принес облегчение уставшим от работы в сумерках глазам.

– Гума, скажите, стихи вам о чем-то напомнили? – спросила она, как только Нин ушла.

Ее тетка часто говорила о прошлом – в основном, чтобы пожаловаться, что ее прежнее богатство сменилось теперь бедностью, – но сестру свою она почти никогда не упоминала. Единственное, что Сифэн знала о своей матери и что ей было рассказано лишь однажды, – это что Минчжу была красивая, но безмозгая: попала в беду, забеременев от знатного человека, и была им оставлена. Напряженное выражение лица Гумы наводило на мысль, что она сейчас думает о сестре, однако когда женщина наконец заговорила, то даже не упомянула о ней.

– Я знаю эти стихи. Их мне... рассказали много лет тому назад.

Она облизнула пересохшие губы, взгляд ее, перебежавший с книги на племянницу и обратно, был исполнен ужаса.

Всего два раза в жизни Сифэн приходилось видеть ее в таком состоянии: однажды, когда Гума, приковыляв домой, стала в исступлении безо всяких объяснений спешно закрывать все окна и двери, и в другой раз, когда в ночном кошмаре ей привиделись извивающиеся черные змеи.

В комнате повисло долгое молчание.

– Пора идти гадать на картах, – произнесла наконец Гума.

2

На верхнем этаже дома была еще одна комната, они о ней никогда не упоминали. Когда-то здесь хранились важные инструменты: чаны для приготовления красителей, бамбуковые прищепки для сушки тканей, коробки с иглками, нитками и ножницами. Гума однажды с горечью заметила, что ее родители, наверное, в гробу переворачиваются оттого, что она превратила эту комнату в храм своего тайного искусства.

В недалеком прошлом члены семейства Хоу были искусными мастерами, обладавшими редчайшим талантом, – к ним съезжались заказчики со всего континента Фэн Лу. Обитатели пустыни преодолевали огромные расстояния, чтобы доставить тонкие как паутина шелковые нити, из которых они ткали прозрачные вуали. Охотники спускались с гор, привозя с собой меха, предназначавшиеся для оторочки капюшенов и плащей; они рассказывали истории об удивительных существах, о которых живший на равнинах люд слышал только из легенд.

О портных из семьи Хоу ходили всякие фантастические слухи: дескать, своими стежками они могут пришить к одежде удачу и благосклонность судьбы, если заказчик им щедро заплатит, ну а скупердяйке отомстят, наслав на нее неукротимый зуд, заячью губу у первенца или ревнивого мужа. Родители Гумы молчаливо поощряли эти слухи, благодаря которым у них всегда хватало средств на праздничные застолья и на уроки музыки для дочерей, однако, если их спрашивали напрямую, все опровергали. Подобные способности могли довести их до беды, особенно если учесть, что некоторые члены рода в прошлом подвергались казни и за меньшие прегрешения. Столетиями члены семьи Хоу, как проклятие, несли в своей крови магическую силу, и лишь несколько последних поколений усилием воли и строжайшей дисциплиной сумели подавить в себе колдовскую сущность.

– Лицемеры, – с насмешкой говорила Гума, когда речь заходила о ее родителях. – Как можно было отказываться от дара, принесшего им славу?!

В то время как другие члены семьи стремились обуздать или смягчить свои колдовские способности, Гума принимала их с религиозным пылом.

Сифэн последовала за теткой в другую комнату, обе несли с собой по сальной свече. Комнатка была настолько мала, что они едва смогли в ней поместиться вдвоем, тем не менее Гума умудрилась впихнуть в это помещение все необходимое для их тайных занятий. С потолка свисали связки сухих растений, наполняя воздух ядовитыми ароматами, стены были покрыты причудливой резьбой. На покосившейся полке размещалась коллекция из ржавых ножей и стояли чаши с мерзкими на вид пятнами от жидкостей, похожих на зелья. Посреди этой темной каморки помещался забрызганный кровью стол, под которым Гума хранила свое самое драгоценное имущество.

Сифэн наблюдала, как та раскладывала по столу содержимое маленькой дубовой коробки: девятнадцать прямоугольников из дорогого желтого дерева с изображениями, нанесенными темно-бордовыми чернилами. Здесь были императоры и императрицы, драконы в коронах, пустынные рисовые поля и монах, держащий над головой череп. Сифэн не умела читать по ним, но знала, что в них был заложен глубокий смысл, и этот смысл был многослойным: каждый последующий слой содержал в себе еще более сложный ответ. Когда же карты складывались в сочетания, предсказание вновь менялось.

Пока Сифэн разглядывала изображения, ее тетка ковыляла по комнате, расставляя дополнительные свечи и зажигая благовония в большой курильнице. Дверь была закрыта, и в неподвижном воздухе клубились волны тяжелых, пьянящих, ядовито-сладких ароматов. Сифэн терпеть не могла этот запах, от него у нее кружилась голова, а в мозгу рождались странные образы, но Гума настаивала на необходимости курений для каждого сеанса гадания. Было

неясно, хотела ли она просто доставить Сифэн ненужные страдания, или же эти ароматы были необходимой частью ее искусства.

Эти иноземного происхождения карты появились у Гумы много лет назад. С той поры она отказалась от традиционных деревянных палочек, которыми пользовалось большинство предсказателей, предпочитая им «истину крови». Она объяснила Сифэн, что духи магии не желали давать ответы без предварительной кровавой жертвы.

Гума перетасовала карты и, разложив их рисунками вниз, потянулась за ножом. Схватив левую кисть Сифэн, она повернула ее ладонью вверх и сделала надрез у основания указательного пальца. Девушка не вздрогнула, когда лезвие вонзилось в ее плоть: она знала, что Гума не выносит слабости. Курения, похоже, помогали переносить боль, затуманивая сознание, в то время как кровь, вытекая из ее пальца, произвольно попадала на некоторые из карт.

Гума, улыбаясь, перевернула их лицом вверх. Когда бы карты ни пили кровь Сифэн, духи всегда выбирали для нее все те же шесть изображений. А карты действительно *пили* кровь: капли ее уже почти растворились на поверхности дерева.

– Я тебе говорила, – ликовала тетка, постукивая пальцем по первой карте с изображением высохшего поля. На второй, лежащей рядом, был нарисован конь с вонзенным в его сердце мечом.

– Высохшее рисовое поле означает безнадежность, если только в пару к нему не выпадет конь, как он изображен здесь. Когда дух уходит, тело питает высохшую землю. Ты полна жизненных сил. Ты преодолеешь разочарование и найдешь выход из безвыходного положения.

Такие знакомые слова. Снова обещание таланта и величия, в которые Сифэн так хотелось верить. Но как бы пристально ни искала она в себе эти качества, найти их никак не удавалось.

Девушка прикусила губу, наклонившись над картой, чтобы скрыть от Гумы свои сомнения. Ей чудилось сияние в том месте, где лезвие вошло в тело коня. Сифэн представляла, как его сердце разрывается от удара и жизненная сила уходит, и чувствовала неодолимое желание приникнуть к ней губами и пить, прежде чем дух уйдет в землю.

Жизненная энергия, наполняющая сердце, – источник самой сильной магии из всех возможных на этом свете. Гума учила ее с почтением относиться к сердцу, ведь даже сердца животного было достаточно для самого изощренного колдовства. Владея им, искушенный в искусстве магии может призывать на помощь тех, кому известны запретные приемы колдовства, или даже может с помощью чар сделать себя неотразимо привлекательным для людей.

Сифэн перешла к двум следующим картам. На одной из них было изображение раскрывающегося под луной цветка лотоса, на другой – мужчина с вонзенным в спину кинжалом, плоть клочьями свисала с лезвия.

– Судьба остановила на тебе свой взор, – сказала Гума, барабанив пальцем по лотосу, – однако не обманывай себя. Ты ее рабыня. Не позволяй никому становиться у себя на пути. Люди будут попадать в плен твоей красоты. А того, кто отвернется от тебя, ты наградишь ударом кинжала в спину.

Лицо Гумы приобрело мрачное выражение при взгляде на пятую карту. На ней был изображен мчавшийся навстречу врагу прекрасный всадник с даром своей возлюбленной – цветком хризантемы, на лепестках которой застыли капли крови. Его крутые плечи были совсем как у Вэя, и Гума молча отодвинула от себя карту. Именно из-за этой карты она не слишком сурово наказывала Сифэн за встречи с ним: ведь та ясно указывала, что Вэю еще предстоит сыграть какую-то важную роль в жизни ее племянницы независимо от желания тетки. Бамбуковая палка наносила болезненные удары, но это не останавливало молодых людей от тайных свиданий, и Гуме это было прекрасно известно.

Жертва.

Казалось, это слово эхом отдавалось в темноте, когда Сифэн разглядывала принадлежащий воину кровавый цветок. Гума однажды объяснила ей, что эта карта обозначала жертву.

Отказ от чего-то – или *кого-то* – дорогого, как плата за величие. Сифэн отвела глаза в сторону – сейчас она не в силах была думать о том, кого или что ей, возможно, предстоит потерять.

И вот наконец опять эта, шестая, карта: голова женщины, повернутая к зрителю затылком, без короны, со струящимися волосами, слившимися в темное пятно.

– Императрица, – выговорила Сифэн.

Сузившимися глазами Гума следила за племянницей, за тем, как та принимает свое будущее. Эта карта была главнее других, этот деревянный прямоугольник предсказывал истинную судьбу Сифэн. *Это* именно то величие, за которое ей придется заплатить.

Сифэн взяла карту и пальцами ощутила льющийся из нее поток энергии, но все еще колебалась, как будто ища в прядях и локонах женских волос подтверждения правдивости предсказания.

– Ты сомневаешься, – произнесла недовольная Гума.

– Нет-нет, – поспешно ответила племянница, чувствуя слабость под суровым взглядом тетки. – Я нисколько не сомневаюсь в могуществе магии. Просто... мне сложно вообразить такое будущее для себя.

– Значит, ты сомневаешься в моей способности объяснять послания духов?

Мало кто мог вскипать столь же мгновенно, как Гума, при малейшем подозрении на скепсис со стороны племянницы. Рот женщины искажил гнев, и она выхватила карту с Императрицей из рук Сифэн.

– Любая другая девчонка ноги бы мне целовала, предскажи я ей, что в один прекрасный день она станет императрицей всей земли Фэн Лу! Только *ты* плюешь мне в лицо своими сомнениями!

Она замахнулась на племянницу тонкой костлявой рукой.

Сифэн съежилась.

– Пожалуйста, тетушка, я нисколько не сомневаюсь в ваших способностях! Если вы говорите, что я стану Императрицей, значит, так и будет.

Ее слова немного успокоили Гуму, хотя уголки ее рта все еще оставались опущенными. Она выровняла карты в угрюмом молчании, которое, как хорошо было известно Сифэн, могло затянуться на несколько дней, если тетка захочет ее хорошенько наказать.

– Я просто привыкла жить так, как мы живем. Мне трудно представить себя в окружении слуг, в шелках, вроде тех, которые мне приходилось вышивать для богатых заказчиков. Только и всего.

– Карты всегда нам предсказывали, что судьба приведет тебя в Императорский Дворец, – Гума стиснула зубы. – Иначе зачем мне было тебя учить поэзии и каллиграфии? С какой стати я бы стала посвящать тебя в историю нашего мира и в государственную мудрость царей? Другие женщины мечтают о теплом доме и толковом муже для своих дочерей. Я же мечтаю о том, что ты будешь жить рядом с Императором, и вот что получаю в ответ. Ты мне не веришь!

Сифэн молча слушала разглагольствования тетки. Будь она посмелее, попросила бы Гуму взглянуть на предсказания еще раз. Может быть, карта означала, что она будет *прислуживать* Императрице, а вовсе *не станет* ею. Это больше похоже на правду, да и звучит гораздо менее пугающе. К тому же это бы объяснило, как Вэй сможет остаться частью ее будущего – возможно, жертва означала для нее всего лишь отказ от привычной жизни, а не от него.

Тем не менее затянувшееся молчание Гумы лишало Сифэн храбрости. Да и едкий запах курений вызывал у нее слабость, так что не хотелось спорить. Глаза слезились от дыма, но, сморгнув, она внезапно заметила еще на одной карте каплю не до конца впитавшейся крови.

– Гума, тут есть еще седьмая карта.

– Не будь дурочкой. Их всегда бывает только шесть, а на этой слишком мало крови, чтобы она была твоей.

Однако она явно была заинтересована, и Сифэн перевернула карту рисунком кверху.

На ней был изображен худощавый юноша в крестьянской одежде, почти мальчик, бледный и неестественно хрупкий. За спиной он нес котомку, а глаза его были устремлены на звезды над головой. Он так сосредоточенно вглядывался в небеса, что не замечал, что одна нога его повисла над обрывом.

– Что это значит? Кто этот юноша? – у Сифэн закружилась голова. Она почувствовала, что может упасть со стула, и ухватилась за край стола, чтобы удержаться.

Жесткий взгляд Гумы остановился на карте. Молча и сосредоточенно она перевернула карту. Капля крови исчезла, как будто ее и не было.

– Это Шут, карта, сулящая неисчерпаемые возможности. Мальчик означает удачу.

Дрожь возбуждения пробежала по спине Сифэн. В этом мускусном тумане вдруг показалось, что в жизни нет ничего невозможного. Еще мгновение назад она сомневалась в правдивости теткиного прочтения карты с Императрицей. Однако теперь она не могла понять, как можно было не поверить. Их гадания всегда включали в себя только шесть карт, но сейчас ей было даровано семь. Несомненно, сами боги подавали ей знак. Женщина, изображенная на деревянной дощечке, – это была она, и никто иной; это был ее собственный силуэт.

– Духи покровительствуют мне, – сказала она сонно.

Но резкий голос Гумы опроверг ее открытие.

– Это *не твоя* удача... чья-то еще. На этой карте нарисован незнакомец, рожденный под счастливой звездой.

Теперь она пристально разглядывала отодвинутую карту с таким выражением, будто Сифэн была в чем-то виновата.

– Кто-то замыслил дурное против тебя, против всего, к чему мы стремимся.

Сифэн вновь вгляделась в лицо юноши, и внутри у нее все сжалось. Художник наделил его такими длинными ресницами. Подобно кронам деревьев они отбрасывали тень на его лицо. Интересно, если он снимет шляпу, будут ли его струящиеся волосы столь же прекрасны, как ее собственные?

– Скрытый враг, – вымолвила Гума, и казалось, что эти слова произносят не ее губы – будто они исходят от самой карты. Гума замерла.

– Змея в траве. Сумрачный мир пещеры.

Комната поплыла, и перед глазами Сифэн закружились образы: море колышущейся желтой травы и тревожный образ змеи, напоминающий чернильный штрих на бумаге. Она скользила ко входу в пещеру с невыразимой грацией, будто темный шелк свивался вокруг манящей мужской руки.

– Змеиный бог, – пробормотала Сифэн, в то время как змея принимала облик худощавого, неестественно высокого мужчины. – Истинный бог для нас всех.

Внутри нее звучал голос, мягкий, нежный и очень знакомый, тот, что слышался ей столько раз, где-то на периферии ее сознания, но не так отчетливо, как сейчас.

– *Луна льет на нас свой свет, возлюбленная...*

Образы смешивались у нее в голове, но краем глаза Сифэн все-таки могла видеть Гуму, упавшую на колени, простершую руки в молитве... или в мольбе о прощении.

Что-то ворочалось у нее в груди. Ранее, когда девушка увидела Нин, глазевшую на Вэя, она почувствовала kloкочущую внутри ярость, но сейчас это было что-то совершенно новое: ленивое, удовлетворенное самолюбование; Сифэн чувствовала себя так, будто нежилась в солнечных лучах. Закрыв глаза, она даже могла наблюдать, как, извиваясь спиралью и сворачиваясь в кольца, существо проникает в ее грудную клетку.

– Прими в свои объятия вечную ночь, – нежно произнес голос.

– Оставь ее, – прошипела Гума с того места, где она все еще стояла на коленях. – Не отнимай у нее жизнь!

Сифэн почувствовала, что падает, и стукнулась лбом о край стола. Но до того как девушка потеряла сознание, ей привиделась поразительная картина: тетка склонилась над ней со слезами на глазах, как если бы и вправду любила свою племянницу.

Сифэн закрыла глаза и погрузилась в темноту.

3

На следующее утро Сифэн проснулась в комнате, в которой они жили вдвоем с Нин. Некоторое время она лежала неподвижно, голова болела, и в ней роились обрывки тревожных сновидений, в которых Сифэн целиком проглотила змею. Девушка до сих пор чувствовала ее у себя в горле, ощущала, как змея, извиваясь, вызывая удушье, вползает в нее, и поэтому, когда Гума, хромая, вошла в комнату и поставила возле тюфяка дымящуюся чашку с бульоном, Сифэн вздрогнула и тут же попыталась сесть.

– Простите меня, я проспала. Что произошло прошлой ночью?

– Ты не помнишь, как упала в обморок?

Сифэн пронзила резкая боль чуть выше того места, где находится сердце, она оттянула вырез рубашки у горла и ахнула, увидев на коже ярко-красный крестообразный надрез. Это был след острого лезвия.

– Мне пришлось пустить тебе кровь, чтобы избавить от избытка наполнявшей тебя магии, – Гума повернула к себе ее голову – Ты и в самом деле не помнишь, что случилось?

– Я помню карту, которую вы мне показывали, – Шут, юноша, выглядевший как переодетая девушка – он... или она – мой враг. Гума кивнула, хотя в словах Сифэн не было вопроса.

– Но мне не скажут, кто она? И когда я ее повстречаю?

– Духи послали нам предостережение. Нам надо быть бдительными. Не доверяй никому, поняла? *Ничто* не должно стоять у тебя на пути, когда ты найдешь дорогу в ближний круг Императрицы.

Гума с трудом опустилась на стул и принялась внимательно рассматривать каждую черточку лица племянницы.

Сифэн часто казалось, что ее глаза, нос, рот были не частями целого, а отдельными объектами – имуществом, стоимость которого Гума оценивала так же, как она делала это с жемчугами, гребнями и шелками. Кто будет больше страдать, если девушка разобьет нос или получит ссадину возле глаза, – она или Гума?

– Во дворце ты будешь в большей безопасности, – в теткинском голосе слышался тот же страх, что и при виде книги со стихами.

Сифэн вспомнила, как ночью видела Гуму, упавшую на колени, с простертыми в мольбе руками.

– Кто был тот человек, явившийся мне в видении?

Два слова возникли в ее сознании, но она не решилась сказать их вслух: *Змеиный Бог*.

Гума произнесла эти слова много лет назад, когда Сифэн пробудилась от ночного кошмара и описала свое сновидение.

– Лучше тебе о нем забыть, – Гума быстро переключилась на другую тему. – Духи с помощью карт всего лишь дают подсказки и наставления, но твоя судьба – в твоих собственных руках. Если Император не придет за тобой, придется идти во дворец самой.

Сифэн мелкими глотками пила бульон. Теперь, когда вокруг не было ароматов курений, мысль о том, что она может стать Императрицей, снова казалась смешной.

– *Но, собственно, почему?* – тут же спросила она себя. Благодаря Гуме Сифэн была прекрасно образована, получше любой аристократки, и к тому же обладала несомненной красотой.

– Я сегодня сама закончу работу над розовым шелком. Причешись, умойся и пойдешь подыши утренним воздухом. Ты очень осунулась, – неодобрительно произнесла Гума, шаркая к выходу. – И покрой голову от солнца. Мы не можем позволить тебе выглядеть как какая-нибудь деревенская девчонка с загорелой кожей, коли ты собираешься отправиться во дворец. Императрица и ее придворные дамы никогда не бывают на открытом солнце.

Потирая синяк на лбу и морщась от боли, Сифэн поднялась со своего тюфяка. Отражение в тазу с водой подтвердило, что вид у нее действительно был болезненный, так что, хорошенько умывшись, ей пришлось ущипнуть себя несколько раз за щеки, чтобы вызвать румянец. Согласно ожиданиям людей вокруг и, прежде всего, Гумы, она всегда должна была выглядеть красиво, а значит, следить за своей внешностью. Стоило бы ей однажды утром не умыться и не причесаться как следует, как ее тут же обвинили бы в лени и неряшливости.

Выйдя из дома и вдохнув прохладный весенний воздух, девушка почувствовала себя лучше. Промытое дождем небо сияло голубизной, и в городке царило оживление.

Живущая внизу пара распахнула двери своей чайной, и несколько посетителей уже сидели здесь, переругиваясь по поводу того, кто кому должен и правильно ли были сделаны ставки в игре. Снаружи курили двое сидящих на корточках стариков. Завидев Сифэн, они прервали разговор, с вожделением глаза на нее. Один из них высморкался прямо на мостовую, и она с отвращением отвернулась, но тут же ее взгляд натолкнулся на женщину, выливавшую содержимое ночного горшка прямо перед своим домом. Ее маленький сын едва успел вернуться, с визгом отскочив в сторону.

Сифэн направилась к площади, мысленно перечисляя вещи, которые ей не придется больше наблюдать, если удастся попасть во дворец. Список был длинный. В него входил помощник мясника, хромой и косоглазый, но, тем не менее, имевший наглость облизываться на нее. Жена аптекаря, часто лупившая свою девчонку-прислугу якобы за плохую работу, хотя все знали, что дело не в этом: аптекарь на нее заглядывается. Рассыльные, почесывавшиеся в неприличном месте, а затем запускавшие те же руки в чаны с мукой и рисом, которые продавали семьям для вечерней трапезы.

– Доброе утро, – с вожделением глядя на нее, произнес вышедший из бани человек. – Нос задрала, не здороваешься?

– Ты что, сдурел? – зашипел на него стоящий рядом приятель. – Хочешь, чтобы Вэй тебя прикончил?

Сифэн смотрела прямо перед собой, не отвечая на взгляды и вопросы. В иные дни она ничего не имела против оказываемого ей внимания. Но сегодня мысли были заполнены тем, что предрекли ей карты, поэтому хотелось побыть одной и обдумать все, держась подальше от городского люда и пристальных взглядов Гумы. Девушка свернула в сторону пологих холмов, окаймлявших край Великого Леса, сожалея о том, что у нее нет такого же, как у императорской наложницы, паланкина, в котором можно было бы спрятаться от чужих глаз.

Вскоре толпа стала редеть, теперь ей навстречу попадались лишь женщины, идущие от реки с корзинами стираного белья. На соседнем поле Сифэн увидела фехтовальщиков. Пришлось прикрыть глаза ладонью, чтобы разглядеть двоих сражавшихся мужчин, чьи мечи то и дело вспыхивали на солнце. Они остановились, поменялись оружием, а затем продолжили поединок, но уже медленнее. Девушка узнала ремесленника, на которого работал Вэй; возможно, он с заказчиком испытывал новый клинок. А это означало, что Вэй был где-то поблизости...

У Сифэн перехватило дыхание от увиденного. Он был обнажен по пояс, тело после фехтования лоснилось от пота. Могучие руки были испещрены черными следами от ударов раскаленного меча – Вэй требовал, чтобы кузнец наносил их ему, чтобы сравняться выдержкой с солдатами свирепых армий юга. Любая девушка пожертвовала бы ради него своей невинностью, но он принадлежал *ей*.

Его судьба переплелась с ее судьбой, и только *с ее*.

Девушка вышла на поле – ей хотелось дышать с ним одним воздухом. Вэй повернулся, чтобы быстро ответить кому-то рядом, и тут она заметила Нин.

С недавних пор Сифэн слишком часто замечала эти жесты со стороны девчонки: трепет опущенных ресниц, жеманно склоненная к плечу голова, движения кистей рук, прикрывающих

зубы во время смеха. Вэй относился к этому пренебрежительно, но она держалась так, как будто они были уже почти влюблены друг в друга.

Сифэн вдруг показалось, что земля уходит у нее из-под ног, в ушах раздалось громкое шипение.

– *Пожалуйста, не надо*, – застыв, умоляла она, обратившись мыслями к событиям прошлой ночи, которые она не могла восстановить в памяти, – и о человеке-змее, которого она *вспомнила*. Она почувствовала нечто извивающееся в глубине своего тела, как будто тварь оборачивалась вокруг ее сердца, и внезапно ее охватил гнев.

Луг замерцал у нее перед глазами, появляясь и вновь исчезая, пока не превратился в болото, находившееся к югу от города. Возможно, это был мираж, но выглядело все как в реальной жизни. Она слышала хлюпанье болотной жижи у себя под ногами. Пахло сыростью, а возле ее лица кружилась стая комаров. Нин шла позади Сифэн, почти вплотную, и Сифэн вела ее к темной гнилой воде.

Тварь внутри нее обнажила ядовитые зубы в предвкушении жертвы. Сифэн казалось, что она видит блеск лишенных век змеиных глаз, словно составленных из бисера. О, это существо, тоже знало, что прячется в тумане среди тростника: рама из канатов, натянутых на крепкие кипарисовые ветви, и два ряда смертельно опасных деревянных зубьев. Каждый остро заточенный зубец был длиной с руку Сифэн от локтя до плеча.

– Остановись, – умоляла Сифэн, – я не хочу этого видеть!

Но то было непроходящее видение, а не сон, который можно стряхнуть с себя. И какая-то тайная часть ее души обрадовалась при виде западни, разинувшей свою крокодилью пасть в ожидании добычи. Сифэн склонилась, будто навстречу возлюбленному, отступив в сторону, чтобы подпустить Нин поближе; кожей она ощущала легкие прикосновения влажной травы. Через мгновение Нин наступила на канат, и западня резко захлопнулась. Все застыло вокруг, даже птицы замолкли.

Нин вскрикнула – или вопль исходил от твари? – и при виде ее растерзанных ног Сифэн охватили ужас и боль, но к этим чувствам примешивалось неприличное ликование. Она протянула трясущуюся руку к мешанине из плоти и белых костей, ощущая тепло, все еще исходившее от изуродованного девичьего тела. Внутри себя девушка услышала голос.

– Никогда больше она не посмотрит на то, что принадлежит нам.

– Нет, – громко простонала Сифэн.

– Никогда больше она не захочет того, чем владеем мы.

– Нет! – кричала она с колотившимся в груди сердцем.

Когда девушка подняла голову, болота больше не было. Она стояла на коленях посреди поля. Ее окружали мужчины с опущенными мечами в руках, женщины с разинутыми от удивления ртами и Нин с застывшим лицом и целыми, невредимыми ногами.

Вэй склонился над Сифэн, держа ее лицо в своих ладонях, и повторял имя возлюбленной. Та все еще не могла сказать ни слова, и тогда он молча подхватил ее на руки и понес прочь от потрясенной толпы.

4

Они зашли в пронизанную солнечными лучами тень на краю леса, и Сифэн почувствовала себя лучше. Легкий бриз освежал разгоряченное лицо, и сердце уже не колотилось как бешеное. Вэй осторожно опустил ее на землю, прислонив к дереву, и тревога смягчила его суровые черты.

– Что произошло? – спросил он.

Сифэн поднесла руку к щеке, с удивлением обнаружив, что та мокра от слез.

– Я видела ужас. Образ смерти.

Она кусала дрожащие губы и чувствовала его взгляд, подмечавший каждое ее движение.

Он ловил каждое ее движение, даже трепет ресниц.

– То же самое случилось со мной прошлой ночью, когда Гума гадала на картах.

– Карты, – Вэй отогнал от себя это слово как комара. – То-то мне показалось, что от тебя исходит ее демонический запах. Опять ты больна из-за ее колдовской чепухи.

– Это не чепуха, – возразила Сифэн, хотя в голосе ее слышалось сомнение. Кошмары со страданиями и смертью, исходившие от этой твари внутри, мучили ее годами. При этом курения Гумы оказывали на нее странное воздействие, перенося ночные видения в дневную реальность, смешивая сны с явью.

– Если ты так хочешь во что-то верить, поверь, что тебе нужно освободиться от тетки. Зачем тебе с ней оставаться?

Сифэн понимала, что он прав, но в то же время не могла забыть Гуму, с нежностью гладившую ее по щеке.

– Тетя вырастила меня, я ей всем обязана, – мягко сказала Сифэн. – Другой матери у меня нет.

– Матери могут быть строгими со своими детьми, но никогда не будут жестокими, – возразил Вэй. – Гума никогда не будет тебя любить, что бы ты ни делала.

Он обнял Сифэн, и она прильнула головой к его сильной груди.

– Позволь мне забрать тебя от нее. Пожалуйста.

– Но куда мы пойдем?

– Разве это имеет значение, пока мы вместе?

Она подняла голову и прижалась губами к его твердому улыбочивому рту. Вкус его губ был такой же, как и его запах: смесь пота, дыма и металла. Вэй ответил ей страстным поцелуем, нежным вначале, а потом все более пылким, неистовым. Не нужно было слов – этот поцелуй сказал все о его чувствах к Сифэн, – и она прижалась к нему всем телом в молчаливом согласии. Этот мужчина всецело принадлежал ей, кто бы что ни говорил. Карты об этом знали. Об этом знала Вселенная.

– Я люблю тебя, – вымолвил он.

Один выдох. Три простых слова.

Вэй всегда был рядом – ее спасение и прибежище. Он знал Сифэн лучше, чем ее мать, когда та была жива, лучше, чем тетка, как бы та ни старалась. И он отдал девушке свое сердце. Но когда она спросила *свое сердце* о нем, ответом стало молчание. Как только слова любви были готовы слететь с ее языка, из глубины тела послышался голос: *Помни, ты предназначена другому.*

Она никогда не рассказывала ему о предсказании Гумы, о том, что однажды ей предстоит стать Императрицей. Ведь если этому пророчеству суждено свершиться, то настанет день, когда Сифэн воссядет на троне и подле нее будет находиться мужчина, но этим мужчиной будет не Вэй. Как бы девушка ни старалась убедить себя в обратном, каждый раз, когда

на свет являлась карта с воином, она все яснее осознавала, что жертвой, которую требовали от нее духи, был Вэй.

Но если пророчество не сбудется, тогда... она впустую откажется от единственной радости в своей беспросветной жизни. Чем легче пожертвовать: короной или человеком, который для нее дороже всего на свете?

Сифэн прижалась к нему еще крепче и губами прикоснулась к щеке. Запах его кожи помог ей отвлечься от тревожных мыслей о том, что, возможно, у нее никогда не будет свободы любить – свободы, которая другим достается так просто.

– Я достану для тебя луну с неба, если ты только пожелаешь. Мне никто не нужен, кроме тебя. – Вэй зарылся лицом в ее волосы, ее согревало его дыхание, он был как рыба, запутавшаяся в темной сети ее волос. – Я люблю тебя с нашей первой встречи. Тебе было восемь лет, а мне – девять, то утро было самым холодным из всех, что я помню. Ты обмотала голову коричневым шарфом, чтобы согреться.

Сифэн была поражена.

– Это было десять лет назад.

– Ты была с ней, она бранила тебя и щипала. Дрожа от холода, ты сняла с себя шарф и отдала ей, чтобы она успокоилась. Затем укутала ее шарфом, заправив концы, чтобы ей было тепло. Я видел это, и мне так хотелось оказаться на месте твоей тетки, чтобы испытать на себе эту ласку.

Своим поцелуем Вэй, казалось, выжиг, заставил испариться мучившие ее ужасные видения и позволил на какое-то время забыть о *существовании*, жившем внутри.

– Ты – самый важный для меня человек, – сказала Сифэн и, оторвавшись от него, усмехнулась. – Но ты думаешь обо мне лучше, чем я есть на самом деле. Когда сегодня я увидела Нин рядом с тобой, мое воображение нарисовало, как я мучаю ее.

Он взглянул на Сифэн, прищурившись.

– Ты меня приревновала?

– Это не повод для шуток, – резко ответила она. – Вэй, я представила, что убиваю ее. Мне хотелось, чтобы она умерла. И я видела это очень ясно в своем воображении.

Вэй всегда считал, что ее видения происходят от дурманящих курений, и винил Гуму в том, что она подвергает Сифэн воздействию этого отвратительного зелья. Девушка рада была ухватиться за эти объяснения, как за соломинку, ведь они давали ей слабую надежду. То, что видениям может быть другое объяснение, пугало Сифэн, так что она старалась об этом не думать.

– Что я за человек, если могу совершать такие мерзости?

– Все происходило только в твоём воображении, – он гладил ее по щеке, уже высохшей от слез. – Твои дурные мысли и зловещие сны... все это дело рук Гумы. Только эти слезы – твои собственные.

Сифэн хваталась за его слова как утопающий за брошенный канат. Ее переполняли чувства, выразить которые не хватало слов.

– Ты видишь во мне только хорошее и внушаешь надежду, что я могу стать лучше.

– Ты *на самом деле* хорошая. Я безо всякого колдовства знаю, что со мной твоя жизнь изменится. – Вэй прижался подбородком к ее макушке. – Мы можем отправиться в Императорский Город, ты же всегда о нем говоришь. У нас будут еда, жильё, которое защитит от зимнего холода, и толстые, довольные жизнью ребяташки.

– Это звучит восхитительно, – ласково прошептала Сифэн, засмеявшись при мысли, как просты были его желания: дом, очаг, жена, ребенок. Его наивность разрывала ей сердце. Вэй был так уверен, что они всегда будут вместе... Она прятала горькую правду за улыбкой, чтобы избавить его от боли, но боялась, что это принесет еще больше страданий в будущем.

– Мне нравится, как ты описываешь нашу с тобой жизнь вдаль отсюда.

– Я так долго уговаривал тебя сбежать, что наконец уговорил? – радостно спросил он. – Я предлагал тебе это каждый год с тех пор, как нам исполнилось тринадцать.

– Я не забыла.

Со временем он становился все более настойчивым, но при этом более сильным и гневным. Сифэн наблюдала, как он обучался искусству владения мечами, которые сам же изготовлял, и ей рисовалось изящное и смертоносное лезвие, приставленное к обнаженному горлу Гумы. Порой ночами, когда девушке приходилось спать на боку, свернувшись калачиком, так как лежать на исполосованной спине было слишком больно, эта воображаемая картина даже приносила ей некоторое удовлетворение.

Пальцы Вэя, лаская, спустились от ее щеки к ключице, и внезапно она почувствовала, как он напрягся, уставившись на крестообразную рану в области сердца, которую обнажил распахнувшийся ворот платья. Сифэн попыталась прикрыть рубец, но Вэй остановил ее. Его челюсти сжались, гневно сверкая глазами, он разглядывал огромный воспаленный надрез на нежной коже. При дневном свете рана выглядела чудовищно.

– Это сделала Гума? – спросил он низким сдавленным голосом.

– Вэй... – в отчаянии начала Сифэн. Она всегда тщательно скрывала от него следы побоев, что было нетрудно, так как тетка никогда не била ее по лицу. Однако сейчас он спустил платье с ее плеча, обнажив бесчисленные синяки на боку и руке. Вэй резко повернул девушку, пальцы его скользили по неровным краям шрамов, оставленных на спине тростью Гумы. Когда он вновь взглянул в глаза Сифэн, та не узнала своего нежного возлюбленного; перед ней стоял тот мужчина, который когда-то избил до полусмерти грабителя.

– Почему ты никогда не говорила мне про побои? – Он трясся от ярости. – Считаю, что ее больше нет! Я убью эту ведьму, пока она спит.

– Вэй! – кинулась к нему Сифэн, но он стряхнул ее с себя.

– Я придумал лучше, – сказал он со свирепой улыбкой, – сломаю ей здоровую ногу. Посмотрим, как она будет уползать. Пусть до конца жизни живет на холодной жесткой земле, она это заслужила.

В прошлом Сифэн не раз думала о том, как можно наказать тетку, однако сейчас эта мысль была ей противна. Самой представлять избитую, скорчившуюся на полу Гуму – одно, но слышать, с какой безжалостной интонацией произносит свои угрозы Вэй – это совсем другое. Кроме того, страшно было даже думать, какого рода месть выжившая из ума тетка может изобрести для них в своей тайной комнате, полной заклинаний.

Девушка знала, что Вэй всегда держит слово, а сейчас в его лице читался приговор. И Сифэн произнесла единственную вещь, которая могла спасти жизнь Гумы или его собственную.

– Забери меня отсюда. Я хочу уехать вместе с тобой.

Сифэн показалось, что странное эхо сопровождало ее слова, как будто она говорила в унисон с кем-то еще.

– Да, – прошептал голос, – встань на тропу, которая приведет нас к нашей судьбе...

Вэй перевел на нее взгляд.

– Что ты имеешь в виду?

– Хватит побоев, – решительно сказала Сифэн. – Хватит обвинений и поучений, ночей без еды и сна.

– И не будет больше редких проявлений доброты, – добавила она про себя с тихой печалью. – Не будет неожиданной ласки, не будет мимолетного одобрения.

Но слова были произнесены, и Вэй уже согласился с ними.

Он помог ей подняться на ноги.

– Иди домой и собери свои вещи. Встретимся здесь сегодня вечером, – сказал он, его глаза горели. – И если она попробует тебя остановить и ты не появишься здесь к заходу солнца, я сам приду. И уничтожу ее.

5

Перед тем как вернуться домой, Сифэн тщательно оттерла с ног пятна травы, хотя Гума все равно, конечно, догадается, она всегда знала, когда девушка встречалась с Вэем. Но Сифэн подбадривала себя мыслью, что это будет последнее наказание в ее жизни. Она могла бы даже засмеяться, если бы ей не было так страшно.

– Я ухожу, – громко сказала она самой себе. – И я никогда не вернусь. Я свободна.

Произносить такие слова было опасно, все равно что пройти по краю пропасти. Но она выбрала для себя прыжок в неизвестное, решив и вправду начать новую жизнь – как того хотела Гума. *Если Император не придет за тобой, тебе придется идти самой.* Кроме того, если Сифэн не уйдет, Вэй выполнит свое страшное обещание и убьет ее тетку.

Наверху Гума и Нин были заняты шитьем. Сифэн мгновенно определила по испуганной, угодливой позе Нин, что та боится, как бы тетка не узнала о ее флирте с Вэем.

– Ты выглядишь получше.

Взгляд Гумы остановился на зеленом пятне над щиколоткой племянницы – Сифэн казалось, что она сумела его оттереть.

– Нин рассказала мне, что, когда ходила по моим поручениям, видела, как ты упала в обморок.

Нин сгорбилась над своим шитьем, напоминая сжавшегося в комочек кролика, но у Сифэн не осталось и следа от душившего ее ранее гнева. В конце концов, перед ней был всего лишь ребенок, не всегда знающий, как себя вести.

– Да, это случилось на рынке, – солгала она, и Нин от удивления оборвала нитку.

– Повнимательней, дурища, – проворчала Гума. – Будешь переводить нитки – будешь меньше есть.

Нин пробормотала извинения, густо покраснев, и бросила на Сифэн благодарный взгляд.

– Я перегрелась на солнце, – продолжила Сифэн, переключив на себя внимание Гумы. – Если вы позволите, я немного отдохну, а потом займусь ужином.

Ноздри тетки затрепетали, вынюхивая истинную причину сказанного.

– Нин приготовит ужин, – наконец сказала она. – Иди отдыхай.

Сифэн послушно кивнула и покинула комнату. Странно было вернуться после встречи с Вэем и избежать побоев; девушка некоторое время посидела на своем тощем продавленном тюфяке – Гума не появлялась. Тогда она тихо, как только могла, приподняла угол тюфяка и отодвинула находившуюся под ним половицу.

С тех пор как пять лет назад Вэй впервые предложил ей бежать, она прятала здесь мешок из грубой ткани. В нем хранились свернутое тонкое одеяло, немного одежды и бронзовая шкатулка, которую она нашла много лет назад в одной из заброшенных комнат. Ей хотелось думать, что предметы из шкатулки когда-то принадлежали ее матери: украшенный драгоценными камнями кинжальчик для затачивания перьев и янтарная заколка для волос с ободком из зеленого, как лес, нефрита.

– Я знала, ты что-то затеваешь.

Обернувшись, Сифэн увидела тетку, ее глаза сверкали от негодования. Хромая, она вошла в комнату, и каждый ее неровный шаг нес в себе угрозу. Пальцы Гумы крепко сжимали бамбуковую трость.

– Я ухожу, – со всей возможной твердостью выговорила Сифэн, хотя при виде трости у нее мгновенно вспотели ладони. – Отправляюсь во дворец, как вы хотели. Я сделаю все, о чем вы говорили, но сделаю это самостоятельно.

– Неужели? Какое послушание. Какое чувство долга.

Губы тетки растянулись в фальшивой улыбке. Она нависла над Сифэн, упираясь в пол концом трости. Со стороны могло показаться, что палка нужна Гуме для поддержки больной ноги, но девушке было хорошо известно, что тетя уже приготовилась нанести удар.

– Полагаю, ты отправляешься не одна? Берешь с собой этого неуклюжего быка, Вэя, чтобы было на ком пахать?

– Он любит меня. И я...

– Правда? Ну, продолжай, – хмыкнула она, но Сифэн молчала.

– Ты даже не в состоянии произнести это, не так ли? Ты *не можешь* любить его в ответ. Я не ожидала, что ты так хорошо усвоила мои уроки.

– Я *на самом деле* люблю его! – гневно выпалила Сифэн, отбросив все опасения. – И вы не могли научить меня тому, чего никогда не испытывали сами.

Тетка замолчала, как будто, сказав о своей любви, Сифэн призналась в омерзительной непристойности.

Затем Гума подняла трость и концом ее нежно провела по щеке племянницы. Девушка окаменела. Капельки пота стекали у нее по спине, но она не отвела взгляда от пожилой женщины.

– Дворец, – сказала Гума дружелюбным тоном, как если бы они, сидя за чаем, болтали о погоде. – Значит, ты решила мне поверить? Ты *будешь* Императрицей. Я довольна, что моя племянница наконец приняла серьезное решение.

– У меня никогда не было сомнений в том, что вы говорите. Но я не была уверена, что выбрала бы для себя такую жизнь, будь у меня возможность, – Сифэн облегченно выдохнула. – Я и теперь не знаю, но очень хочу понять.

Гума опустила трость и оперлась на нее.

– У женщин не бывает свободного выбора. За них решают отцы, матери и мужья, но, поскольку, никого из них у тебя нет, ты должна слушать меня. Не так ли?

– Да, Гума.

– Скажи, каким образом ты намереваешься добраться до Императорского Города?

– Не знаю. Думаю, мы возьмем лошадь. – Сифэн вновь перевела взгляд на трость.

– А где вы найдете деньги на все необходимое?

– Я не знаю.

– А как ты войдешь в город или во дворец без документов?

Теткина ухмылка заставила Сифэн покраснеть. Это все такие очевидные вещи, им следовало обсудить их с Вэем. Девушка предположила, что у него в голове существовал какой-то план. *Но почему он не поделился им с ней?*

– Я могу продать на рынке несколько своих вышивок, – произнесла она. – Этого хватит, чтобы купить еду на день-два. Что касается входа в Город, мы можем упрямить какого-нибудь купца позволить нам присоединиться к каравану. Вэй в уплату наточит его оружие и прочие инструменты.

Гума мягко высказала свое неодобрение.

– Ты говоришь, этот юноша любит тебя, но он даже не продумал ваше путешествие. Он совсем не заботится о тебе.

Ее голос стал еще нежнее.

– Позволь мне поехать вместе с тобой, помочь тебе.

Внезапно Сифэн открылось то, в чем она боялась себе признаться: Гума *досконально* знала, как ею манипулировать. Одно ласковое слово, и Сифэн уже готова выполнить любое ее желание. И так будет продолжаться бесконечно: брань, побои, въедливый контроль за каждым кусочком, который она съедает, за каждой минутой ее жизни. И никакой разницы, будут ли они жить в убогом городишке или в Императорском Дворце.

– Нет, – услышала она свой голос. – Моя жизнь и моя судьба принадлежат только мне.

Бамбуковая трость опустилась на нее с тошнотворным хрустом. Сифэн упала, прижимая к телу мешок, зажмурившись от ужасной боли в плече. Гума вцепилась в нее острыми пальцами, стараясь перевернуть, щипая и царапая ногтями кожу.

– Ты должна любить *меня!* – рычала тетка, сопровождая каждую фразу беспощадным ударом тростью. – Ты всем обязана *мне*. Кто может любить тебя больше, чем я? После всего, что я для тебя сделала, ты готова отказаться от меня ради блуда с этим ничтожеством?!

Она на минуту остановилась, бормоча:

– Ты такая же, как твоя мать.

Сифэн зарыдала: эти слова ранили ее сильнее, чем любые удары. Вот каким на самом деле было мнение Гумы о ней: слабая, никчемная, достойная презрения.

– Я так старалась угодить вам, – всхлипывала девушка. – Делала все, что вы мне велели.

– Жаль, что Нин не такая красивая, как ты. Она была бы в сто раз лучшей племянницей.

Сифэн почувствовала, как гнев внутри нее вытесняет скорбь. Это придало девушке храбрости прямо взглянуть тетке в глаза, и жестокая улыбка на губах Гумы только укрепила уверенность Сифэн, что пора дать отпор.

– Я была бы только рада, если бы вашей племянницей являлась Нин, – выпалила она. – Лучше умереть, чем быть прикованной к вам до конца жизни. Я не хочу стать такой же озлобленной, высохшей и ядовитой, как вы!

Трость взметнулась вверх, и Сифэн получила удар под подбородок. Затем Гума слегка, почти нежно дотронулась концом трости до ее лица.

– Полегче, детка, – прошептала тетка. – Одно движение, и я могу оставить тебя без глаза... или сломать нос. И куда ты денешься без своей красивой внешности? Думаешь, твоя жизнь будет такой же легкой, как сейчас, а мужчины по-прежнему будут осыпать тебя подарками? Надеешься, что, потеряв хорошенькое личико, ты все еще будешь нужна Вэю?

Гума надавила на трость, и Сифэн вскрикнула от боли. Конец трости проткнул ее нежную гладкую щеку, и что-то теплое потекло вниз по подбородку.

– Я тебе открою маленький секрет, цветочек лотоса. Твоя красота – это все, что ты имеешь. Твое единственное оружие.

Стиснув зубы, Сифэн стояла перед Гумой, которая, подавшись вперед и сжимая в руке конец трости, изготовилась, чтобы нанести племяннице удар по голове.

– Интересно, – проворковала тетка, – что произойдет, если я избавлю тебя от твоей замечательной внешности?

Ярость захлестнула Сифэн, и это дало ей силы. Чувствуя, как трость все сильнее впивается в щеку, она, развернувшись всем телом, ногой ударила тетку в мягкий живот. Раздался звук как от удара кулаком по мешку с рисом, и Гума, сложившись пополам, повалилась на пол, со стуком отбросив в сторону бесполезную теперь трость. Ее лицо исказилось от боли и потрясения.

– Гума, – выдохнула Сифэн, чей гнев испарился в ту же секунду. – Что я натворила?

Но тетка ползком, вытянув руку, уже пыталась дотянуться до трости, и Сифэн поспешным движением подняла ее. Держа трость так, чтобы Гума не могла выхватить ее, она стояла над женщиной, вырастившей ее, и ощущала в себе привкус вины.

– Вы больше не будете бить меня, – тихо сказала она.

– Ты – все, что у меня есть, – прохрипела Гума. – Я была тебе... лучшей матерью, какую только можно себе представить.

– Настоящая мать меня бы любила. И лелеяла.

Слезы жгли рану на лице Сифэн.

– Для тебя я всегда была всего лишь собственностью, которую ты использовала в своих интересах.

– Сифэн...

– Мне страшно остаться без тебя. Я боюсь оказаться лицом к лицу с Шутом без твоей поддержки, – призналась девушка, – но я хочу верить в то, что сама смогу следовать за своей судьбой.

Сифэн видела отчаяние в Гуминых глазах, однако ей было ясно, что не любовь была его причиной. Гума скорбела лишь о невозможности стать богатой, что могло бы осуществиться, сумеет она попасть во дворец. Тогда одной рукой она бы подталкивала Сифэн к Императору, а другую протягивала бы за вознаграждением для себя.

– Прости, что сделала тебе больно. – Трясущимися руками Сифэн коленом переломила трость пополам.

– Мы с тобой принадлежим друг другу, больше у нас никого нет на свете, – умоляла Гума. – Ты – все, что у меня осталось... дочка.

У Сифэн защипало в глазах, и она закрыла их, чтобы не видеть молящего выражения на лице тетки. Она схватила мешок и прижала его к себе как щит.

Видя ее решимость, Гума тут же оставила свой вкрадчивый тон.

– Ты всегда будешь принадлежать мне. Тебе никогда от меня не избавиться, – прошептала тетка и перевела взгляд в сторону. Сифэн напряглась, зная, что раненый зверь особенно опасен. Этому ее тоже научила Гума.

Однако та всего лишь искала глазами стоявший на полу сосуд с водой. Сифэн увидела в воде свое отражение: овальное личико, раскосые глаза, волосы цвета воронова крыла, спадающие на плечи. Отметила свою осанку, вздернутый подбородок, отведенные назад плечи, подчеркивающие стройность шеи и маленькую высокую грудь. Все, как учила ее Гума: невинная и послушная до последней минуты кукла.

Девушка повернула голову и ахнула при виде воспаленного красного пятна, изуродовавшего ее левую щеку.

– Что ты наделала? – прошептала она, прикрывая рану дрожащими пальцами.

– Ты сама виновата в том, что меня разозлила, – в теткинском тоне вновь послышалась нежность. – Иди сюда, дай мне смыть с тебя кровь и нанести бальзам на это место. Ты мое дитя, Сифэн, и я всегда буду о тебе заботиться.

Даже поверженная на спину, скорчившаяся от боли, Гума сохраняла над ней власть, и Сифэн хотелось сдаться, дать тетке еще один шанс и броситься к ней в надежде, что на сей раз эти руки не избыют, а обнимут. Но порез на лице и обломки трости в руках напомнили ей горькую правду.

– Прощай, Гума, – произнесла Сифэн, смесь ярости и сожаления переполняла ее. – Я передам от тебя привет Змеиному богу, если он снова мне повстречается.

– Надеюсь, у тебя останется шрам, неблагодарная маленькая змея! – завопила ей вслед тетка. – Ты мне ничего не принесла, кроме огорчений!..

В коридоре Сифэн протиснулась мимо Нин, и та с расширенными от страха глазами протянула ей матерчатый мешочек, в котором угадывалось что-то округлое; молча приняв его, Сифэн проследовала к выходу. И вскоре она навсегда покинула этот дом, сохранив в памяти исполненное ужаса выражение лица Гумы, как будто пламя вырвалось из ее черного сердца.

6

Восемнадцать лет этот пыльный, всеми забытый городишко был для Сифэн единственным известным ей миром. Ветхие домики, болота, в которых прятались хищные аллигаторы, покрытые твердой как броня шкурой, да река на краю леса – вот и все, что она видела в своей жизни. Теперь же, путешествуя на старой лошади Вэя, она с высоты оглядывала расстилавшийся перед ней *настоящий* мир. Она могла отправиться куда угодно и делать все, что только пожелает.

– Ты хотел бы увидеть пустыню? – спросила она Вэя, держась руками за его талию. Уткнувшись лицом в его плечо, девушка вдыхала привычный запах кузницы и травы. Он пах домом, и мысль о том, что она берет с собой кусочек прежней жизни, делал расставание менее пугающим.

– Полагаю, это будет подальше отсюда, чем Императорский Город.

По тону Вэя было понятно, что он улыбается, и Сифэн захлестнул прилив беззаботного счастья.

– Так ты не жалеешь, что уехал вместе со мной?

– Ведь это я уговаривал тебя бежать отсюда, – засмеялся он, переплетая ее пальцы со своими. – Мой дом и моя жизнь – это ты, где бы ты ни была.

– А моя – это ты, – слова вырвались у нее прежде, чем она успела подумать. Вдыхая его запах, она старалась не думать о жестокой реальности, с которой должна будет столкнуться его любовь. Пока между ними была дистанция, чувства Вэя давали ей утешение и защиту. Но подпустить его ближе означало дать надежду, которая, возможно, никогда не оправдается, если предсказаниям Гумы суждено сбыться.

При мысли о тетке Сифэн слегка дотронулась до щеки и вздрогнула от жгучей боли. Каждый шаг лошади уносил ее все дальше от дома, а душа все больше разрывалась между радостью и печалью.

– Как твое лицо, сильно болит? – спросил Вэй, почувствовав ее движение.

Она закрыла рану ладонью:

– Все хорошо.

– Я понимаю, вначале тебе будет ее не хватать. Но со временем станет легче.

– Знаю, тетя меня никогда не любила, но она будет переживать оттого, что потеряла меня.

Теперь у нее осталась одна Нин.

Сифэн вдруг вспомнила про мешочек, который вручила ей Нин, и с любопытством развязала его.

– Она положила нам немного еды. Морковь, две сливы, несколько грибов и горсть каштанов.

– Это половина ужина для одного из нас, – поддразнил ее Вэй, и Сифэн шутливо толкнула его.

– Она, должно быть, стащила, что смогла. При том, что знала: с Гумой шутки плохи.

Фрукты были подгнившими, грибы сморщенными, но все равно они вызвали у Сифэн теплую улыбку. Бедная маленькая Нин хотела отплатить добром за добро.

– Она ужасно любила сладости, готова была отдать за них все пять царств Фэн Лу. Если я декламировала стихи о Сурджалане, она забывала о своем шитье. Как же Гума ее за это бранила!

– Сурджалана, – Вэй как будто попробовал слово на вкус, – звучит как название восхитительного пирожного.

Сифэн засмеялась. Ее всегда занимали истории о царстве раскаленного песка и злом владыке Сурджаланы — божестве, которое когда-то правило там.

– Я прочитала о нем все книги, какие только можно было достать. Мне хотелось убежать и бродить среди этих мраморных городов, спать под звездами вместе с караванами, перевозящими товары...

– Тебе повезло. Тетка дала тебе хорошее образование, – угрюмо признал Вэй.

Все детство он провел, работая на ферме своих стареющих родителей, которые не могли обойтись без его помощи; ни на что другое времени не оставалось. Он был последним и лучшим из четырех сыновей. Его братья покидали родительский дом в надежде разбогатеть, но домой возвращались в саванах, повстречав на своем пути саму Смерть, прятавшуюся под личной болезнью или войны. После кончины родителей Вэй стал работать в городе. Его образование заключалось в постижении искусства создавать с помощью огня клинки да стрелы и в умении ковать доспехи. Для него оружейное мастерство было так же увлекательно, как для Сифэн – истории о далеких землях. Это была его отрада.

– Я, может, и не слишком образован, но найти работу в Императорском Городе мне будет нетрудно. Устроюсь к какому-нибудь ремесленнику, а потом и сам приобрету известность, – Вэй сделал паузу. – Это ведь Гума хотела, чтобы ты туда отправилась? Что она для тебя задумала?

– Отправиться во дворец и стать... служанкой или придворной дамой, – солгала Сифэн, довольная, что он не видит ее лица. – Деньги и прочное положение в обществе там будут обеспечены.

– Тебе не надо будет работать. Я об этом позабочусь.

Она обняла его вместо ответа и стала смотреть на деревья, стремясь успокоить свое сердце. Дорога огибала южную оконечность леса. До нее уже доносились запахи сырой древесной коры и тучной земли, питающей бесчисленные безымянные растения в лесной чаще. Легкий ветерок раскачивал верхушки деревьев, и они манили к себе, простирая ветви словно руки.

Вэй посмотрел на небо.

– У нас остался час до захода солнца. Тут недалеко стоянка, где можно заночевать, – он похлопал узел, притороченный возле ноги, и оттуда раздалось нежное металлическое позвякивание. – Через несколько дней нам попадетсся фактория, где я смогу продать эти мечи. На выручку мы купим провизии, которой нам хватит до конца пути.

– Ты, видно, раньше с ними имел дело.

– Много раз. Я хорошо знаю эту дорогу, – произнес он уверенно. – Это самый большой торговый путь, пересекающий весь континент Фэн Лу. Нам повстречаются люди со всех земель, о которых ты читала.

Как он и обещал, по дороге им попадались множество всадников, и некоторые везли с собой семьи. Сифэн разглядывала их с жадным любопытством, особенное внимание обращая на жен.

Им навстречу попала кибитка, в глубине которой восседала женщина, прижимающая к груди двоих детей. Ее волосы были покрыты ярко-голубым шарфом с золотой каймой, который красиво сочетался с ее кожей глубокого темно-коричневого оттенка. Обведенные сурьмой глаза, уставившиеся на Сифэн в ответ на ее взгляд, были удивительного янтарно-коричневого цвета, как верхушки колышущихся трав. Их взгляд был пристальным и, как показалось Сифэн, надменным, поэтому она поспешно прикрыла волосами рану на щеке. Внезапно властное чувство всколыхнулось у нее под ребрами, необузданная, грубая жажда охватила ее, но лишь на мгновение, исчезнув, как только кибитка скрылась из виду.

Незнакомка несла свою красоту так естественно, как будто в ней не было ничего особенного. Словно внешность определяла лишь часть женской сущности, а не всю ее целиком. Значит ли это, что Сифэн испытывает раздражение оттого, что ее красота значит больше, чем она сама? Но если красота говорит сама за себя, то, может, все остальное неважно, поскольку ничто другое для людей не имеет значения?

Ее размышления прервал голос Вэя:

– Вот стоянка, о которой я тебе говорил.

Они спустились с гребня холма в долину, посреди которой была расчищена окруженная кустами можжевельника площадка. Ветер доносил до них запах жарившегося мяса. Кто-то срубил две крепкие ветви и, забив их вертикально и пристроив в их развилки вертел, развел между ними веселый костер. На вертеле жарился дикий кабан, стекающий вниз жир шипел на огне.

От голода у Сифэн заурчало в животе. Она с облегчением отметила открытые, дружелюбные лица людей, встретивших их возле костра. Четверо мужчин в иноземных доспехах жарили мясо; на краю площадки молчаливо сидели двое монахов в унылых коричневых одеяниях.

– Друзья, не найдется ли у вашего костра место еще для двоих путников? – вежливо обратился Вэй к стоящему ближе всех высокому бородатому воину – на вид ему было около сорока.

Мужчины заговорили между собой на странном певучем языке; Сифэн уже приходилось однажды слышать его от купцов, остановившихся у них в городе. Они были родом из Камацу, лежащего за морем царства, и присматривали недорогую гостиницу, чтобы заночевать на пути в Императорский Город.

Самый юный солдат не принимал участия в разгоревшейся дискуссии. Его голова была обрита, как у Вэя, но если Вэю это придавало грозный вид, то у молодого человека лишь подчеркивало его мальчишеский облик. Он поднял на Сифэн ясные глаза.

– Не думайте, что мы не хотим, чтобы вы присоединились к нам, – сказал он уже на общепринятом языке. – Мои начальники просто обсуждают, где найти еще две тарелки.

Он в совершенстве изъяснялся на диалекте Великого Леса, царства, находившегося в центральной части империи. Сифэн иногда хотелось, чтобы ее образование включало изучение языков иных земель, но Гума не считала это необходимым.

– У нас есть свои, – быстро сказал Вэй, – но мы не рассчитывали остаться...

– Конечно, вы не рассчитывали, – ответил старший, бородатый воин. – Присоединяйтесь, отдохните у нашего костра, друзья, и разделите с нами трапезу – мы почтем это за честь.

Сифэн спешила и застенчиво улыбнулась юному солдату, не забывая при этом следить, чтобы волосы прикрывали портящую ее лицо рану на щеке. При ближайшем рассмотрении она увидела, что на его доспехах было выгравировано изображение странного колючего морского существа, похожего на рыбу, но при этом с лошадиной головой.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – сказал парень, по-прежнему не сводя глаз с Сифэн, – мой друг Хидэки сейчас подаст вам еду. И вашему... мужу.

В его голосе был слышен вопрос, но, заметив, что Вэй не расположен к откровенности, девушка придвинулась ближе к огню и стала молча греть озябшие руки.

Все мужчины, включая монахов, смотрели на нее, исключая разве что Хидэки, бородатого воина, накладывавшего путникам мясо. Вэй передал Сифэн тарелку с едой и обнял ее за плечи своей мощной рукой. Девушка знала: он сделал это не для того чтобы ее согреть, а чтобы показать, что она принадлежит ему – так же как лошадь или меч.

Когда она успела перейти из собственности Гумы в собственность Вэя?

Вкус только что снятого с вертела мяса с золотистой хрустящей корочкой заставил ее забыть о своих мыслях. Солоноватая, ароматная, сытная пища – за всю жизнь у Гумы Сифэн не пробовала ничего похожего. Она с трудом удерживалась от соблазна облизать пальцы.

– Не ешь слишком много, – прошептал Вэй, – ты не привыкла к такой пище. Тебе может стать от нее плохо.

Сифэн проигнорировала его совет, и он обиженно пожал плечами.

– Вы направляетесь на побережье, друзья? – спросил он у воинов.

– Нет, мы едем в противоположную сторону, – ответил Хидэки. – Мы сопровождаем ко двору императора Цзюня нашего посланника, ему поручена важная миссия.

Он почтительно указал на человека, сидевшего у костра напротив них, и Сифэн на мгновение забыла про еду.

Она в жизни не видела взрослого человека такого маленького роста. Его руки и ноги были короткими, как у ребенка, но при этом выражение и черты лица выдавали в нем мужчину. Он показался ей довольно привлекательным. Отблески костра выхватывали из темноты его мохнатые брови, волевой подбородок и элегантную линию носа, а одеяния из дорогого шелка свидетельствовали о его богатстве. Подле него лежали доспехи и меч, но, скорее всего, их назначение было чисто декоративным. Она не могла представить себе, как он может сражаться с мужчинами намного крупнее себя.

– Для меня это путешествие сочетает в себе деловую необходимость и удовольствие. Я наслаждаюсь красотой окрестных земель, – любезно сказал карлик. У него был спокойный низкий голос человека, привыкшего повелевать; вся компания и впрямь затихла, как только он заговорил. Сифэн заметила, что его люди относятся к нему с чрезвычайной почтительностью.

– Меня зовут Сиро, я посланник царя Камацу.

Он представил Кэна, самого молодого солдата, и Исао, шелковистые усы которого напоминали оперение какой-то несуразной птицы. Сифэн подумала, что, вероятно, он придает им форму с помощью лезвия своего меча.

– Как долго вы уже путешествуете? – спросил Вэй.

– Месяц. Мы обогнули западную границу Чешуи Дракона. Это поистине величественные горы, и название к ним очень подходит, – сказал Сиро. – Представляешь себе, что проходишь рядом с Повелителем Драконов прежних времен. На нашем острове нет таких красот.

– Если не считать нефритовые залежи, – с горечью произнес Хидэки. – Если бы не моя безграничная вера в вашу неподкупность, Посланник, я ни за что не стал бы вас сопровождать на подписание этого мирного договора.

– Но ведь хорошие отношения с Императором Цзюнем пойдут нам на пользу, – воскликнул Кэн, и его детское личико осветила надежда.

– *Император* Цзюнь, – фыркнул Хидэки. – Он получил трон только благодаря женьшень. Он всего лишь дальний родственник Императрицы и не может похвастаться даже чистотой царской крови, в отличие от самой Императрицы или ее покойного мужа.

Предостерегающе кашлянув и подняв бровь, Сиро мельком взглянул на Вэя и Сифэн.

– Мы должны радоваться, что война между нашими землями наконец закончилась.

– Надолго ли? – спросил Хидэки. – Этот мир мимолетен, как задержанный вдох. Довольно скоро все вернется на круги своя.

Обладатель необычных усов Исао проворчал:

– Я до смерти устал от всех этих владетельных князей, царей и императоров. Они заняты только своими играми, а их подданные вынуждены платить за это своей кровью. – *Нам* нечего делить между собой, – добавил он, жестом указывая на себя и Вэя. – Только цари чересчур заносчивы и считают, что мир слишком тесен, чтобы вмещать других людей.

Вэй весь подался вперед, вбирая в себя его слова.

– Но ведь это большая честь – сражаться за своего повелителя и страну. Два года назад к нам заезжали люди Императора, рекрутировавшие мужчин в его войско. Я мог бы прибавить себе возраст, чтобы меня записали, но мои родители... – Он умолк. Сифэн помнила, как семнадцатилетний Вэй сторал от желания поучаствовать в войне между Камацу и Великим Лесом, когда два камацуйских вельможи, нарушив волю царя, подняли армию на борьбу с Императором, надеясь отстоять независимость своего царства.

– Довольно. Мирный договор будет подписан, и мы должны на этом успокоиться, – Сиро повернул красивую голову к Сифэн: – Долго ли вы и ваш спутник находитесь в пути?

– Наш городок всего в нескольких часах езды отсюда, – она заметила, что Сиро больше не называл Вэя ее мужем. Воины разом повернулись в ее сторону, как только она заговорила, так же, впрочем, как и монахи.

– Мы едем в Императорский Город.

Лицо Кэна вспыхнуло от радости.

– Значит, нам с вами по пути.

– Ваш путь тоже лежит мимо фактории? – спросил Вэй, придвигаясь еще ближе к Сифэн. – Моя лошадь не сможет переплыть реку, а ваши, наверное, смогут, тем более что это самая короткая дорога.

Он посмотрел на пасущихся неподалеку прекрасных черных коней. Даже в темноте они блестели как живой антрацит, от них исходила жизненная сила и энергия.

– Они выросли в полях и горах Даговада, так что нам тоже придется выбрать дорогу подлиннее, – сказал Сиро.

Глаза Вэя округлились:

– Так это кони Даговада?

Он поднялся, чтобы погладить одного из них; грива под его рукой была наощупь как тончайший шелк. Большие влажные глаза коня глядели на Сифэн с почти человеческим выражением.

Пока Хидэки обсуждал с Вэем коней, а Сиро и Исао тихо беседовали о чем-то своем, Кэн, воспользовавшись случаем, подсел к Сифэн.

– В детстве мне приходилось много слышать о Великом Лесе, но я и представить не мог, какой он, оказывается, пугающе огромный, – сказал он. – Бабушка рассказывала мне истории о том, как люди в нем пропадали. Она говорила, что стволы деревьев передвигаются и сбивают странников с пути, и те погибают от голода.

Его глаза лукаво блестели, но Сифэн не могла справиться с охватившей ее дрожью. Даже здесь, на краю леса, она ощущала чье-то неусыпное внимание, как будто деревья и правда наблюдали за ними.

– Мне попадались стихи об особом свечении в лесу, которое обманывает зрение. Из-за него путнику может показаться, что впереди течет ручеек, который на деле оказывается мчащимся потоком воды.

– А еще здесь обитают *тэнгару*, злые духи, охраняющие лес. Они способны принимать облик рогатого коня с горящими глазами.

Взглянув друг на друга, рассказчики разразились веселым смехом.

– Я тоже слыхала истории о вашей земле, – сказала Сифэн, – об изменчивой природе моря, которое бывает то ласковым, то свирепым.

– Говорят, что наш царь умеет повелевать океаном, – ответил Кэн. – Он специально вызывает шторм перед прибытием кораблей, так что измотанным и потрепанным непогодой пассажирам Камацу представляется раем на земле. Как бы мне хотелось вам его показать!

Он покраснел, внезапно осознав скрытый смысл своих слов.

– Вы давно женаты?

– Если спросить у Вэя, он скажет, что восемь лет.

– Но вам не может быть больше восемнадцати, – воскликнул он в изумлении.

Сифэн засмеялась:

– Он попросил меня выйти за него замуж, когда мне было десять.

Она вспомнила, как поцеловала Вэя в тот день – то был их первый поцелуй и ее единственный ответ на его предложение. Все годы он так и оставался единственным, когда бы Вэй ни заговаривал о женитьбе. Выросший Вэй не изменил своему детскому желанию, но сердце Сифэн молчало.

Вэй со скрещенными на груди руками направился в их сторону, тогда Кэн отошел и сел подле Сиро.

Сифэн прикрыла глаза, с наслаждением ощущая у себя на лице тепло от огня. Гума теперь, конечно, уже зажгла в доме свечи, и круги света теснят по углам темноту. Несмотря на все обиды, нанесенные теткой, она не могла не молиться о том, чтобы та простила ее. Сифэн казалось, что, если напрячь слух, она сможет различить шепот Гумы.

Ты никогда не будешь свободной.

Внезапно девушка широко открыла глаза.

Один из монахов повернул к ней свое лицо, но он был весь в тени, и она не смогла разглядеть его целиком. В отблесках костра сверкали только его глаза – лишенные век бусины, похожие на черные драгоценные камни.

Она судорожно вздохнула, отчего встрепенулся лежащий рядом с ней Вэй, и внезапно поняла, что спала, вероятно, в течение уже нескольких часов. Монахи неподвижно лежали на земле, неподалеку от них, завернувшись в одеяла и плащи, спали солдаты. Она разглядела маленькую фигурку Сиро, темный комочек подле затухающего костра.

– Мне снился сон, – сказала она. – Я давно заснула?

– Довольно-таки давно. – Вэй притянул ее поближе к себе. – Закрой глаза и поспи еще.

Примостившись в его объятиях и чувствуя себя в безопасности, Сифэн уснула снова.

Но если в новых сновидениях ее и преследовали немигающие глаза и клубящиеся курения, они исчезли вместе с луной к тому моменту, когда она вновь открыла глаза.

7

Сифэн проснулась до рассвета. Вэй и воины все еще спали, а монахи покинули стоянку среди ночи. Она подкралась к дремлющей лошади Вэя, чтобы достать из тюка теплую одежду и укрыться от утренней прохлады. Внимание девушки привлек щит одного из воинов, прислоненный к лежавшей на земле поклаже. Небо уже посветлело, и в полированной поверхности щита она смогла разглядеть свое отражение.

У нее был усталый и неприбранный вид, волосы беспорядочно торчали во все стороны. Встав на колени, она взглянула на свою щеку и ахнула. За ночь огромный красный рубец, образовавшийся в том месте, где трость Гумы вонзилась ей в кожу, стал еще заметнее и начал кровоточить. Он смотрелся неестественно, наподобие третьего глаза, который зловеще выглядывал из недавно безупречно гладкой щеки, портя гармоничные черты ее лица.

Сифэн с бешено колотящимся сердцем прикоснулась к ране дрожащей рукой. Останется ли у нее шрам, как надеялась Гума? Вчера вечером темнота помогала скрыть изъян, но скоро совсем рассветет и его уже невозможно будет спрятать.

Девушка лихорадочно терла рубец в надежде, что он исчезнет, но от этого кожа вокруг покраснела, а рана стала еще сильнее кровоточить. Проклиная Гуму, Сифэн перевязала мокнущую рану; ее охватила паника. Тетка всегда была безжалостной, когда наказывала ее, но при этом никогда не трогала лицо.

– О боги, – прошептала девушка. Существовал единственный способ, с помощью которого, как она надеялась, можно будет быстро избавиться от уродливого шрама. Она принялась рыться в сумках в поисках кинжала, с которым Вэй обычно охотился за мелкой дичью, и когда нащупала, тот, соприкоснувшись с мечом, издал легкий лязгающий звук. Сифэн в страхе оглянулась на спящих мужчин, однако никто из них не проснулся, и она поспешила вглубь леса.

Убедившись, что находится достаточно далеко и ее не услышат, девушка взялась за работу. Собрав и обстругав тонкие упругие прутья, она сплела нехитрые силки и скрепила их с помощью нарезанных из платья ленточек ткани. Получившуюся западню Сифэн прикрыла сухими листьями, как учила ее когда-то Гума, и спряталась. Следующая часть задачи была самой трудной, так как здесь от нее уже ничего не зависело: надо было просто терпеливо поджидать свою жертву.

Взошедшее на небо солнце начинало припекать. Над верхней губой Сифэн выступили капельки пота, но она удержалась от того, чтобы смахнуть их. Казалось, время тянется бесконечно, но вот наконец послышался треск сучьев. Девушка застыла, вслушиваясь в звук, но его перекрыл другой: топот ног по веткам у нее над головой. Сифэн пришлось напрячь всю свою волю, чтобы не посмотреть вверх. Она находилась не слишком далеко от стоянки воинов, но спряталась так хорошо, что, если бы кто-то напал на нее, мужчины, возможно, не сразу услышали бы крик.

Она напрягала слух, но звук больше не повторился. Вместо этого девушка услышала шелест листьев, и перед ее глазами появилась пара серых жирных кроликов. Сифэн следила, как они прыжками приближались к спрятанной западне.

– *Подойдите поближе,* – подбадривала она их про себя. – *Ну же, еще немного.*

Ловушка захлопнулась, и оба кролика оказались в западне; дрожа, она смотрела на зверьков, прижатых к деревянным прутьям. С кинжалом в руках Сифэн приблизилась к силкам, внутри у нее все переворачивалось от ужаса. Даже сейчас пришлось сделать над собой усилие, чтобы не думать о том, какая у них мягкая шкурка и живые блестящие глаза. Подавив в себе слабость, девушка сосредоточилась на единственном желании: ей нужна была их плоть.

Быстро, пока решимость не оставила ее, Сифэн заколола зверьков кинжалом.

Когда она вытаскивала безжизненные тушки из западни, память услужливо разворачивала перед ней картины из прошлого.

Ей было двенадцать, и она, рыдая, прижимала к себе белку, попавшуюся в силки. Бедняжка пыталась вырваться у нее из рук, и пальцы Сифэн ощущали, как бешено колотится ее сердечко.

– Пожалуйста, Гума, – молила она, – прошу, не заставляй меня убивать ее.

– Дурочка, – рычала в ответ Гума, – вспомни, что случилось, когда ты выпустила предыдущую.

От этих слов Сифэн ощутила острую боль в спине, вспомнив, как тетка секла ее до тех пор, пока она не лишилась чувств. До сегодняшнего дня ей не приходило в голову, что у шрамов есть память.

– Сверни белке шею, а не то я сломаю тебе палец.

Гума никогда не бросала слов на ветер. С болью в сердце Сифэн судорожно схватила белку за шею. После нескольких попыток безжизненное тельце лежало наконец в ее трясущихся руках. Одной жизнью на земле стало меньше из-за нее.

Тогда она впервые ощутила *тварь* внутри своей грудной клетки... сворачивающееся кольцами существо, рожденное от первого совершенного ею убийства.

Гума похвалила девочку и вручила ей нож.

– Сердце животного, каким бы маленьким оно ни было, содержит в себе квинтэссенцию его души, – сказала она благоговейно. – Если ты впитываешь в себя источник жизненной силы другого существа, *твоя собственная* сущность укрепляется. Магические силы внутри тебя возрастают, становятся более мощными, восстанавливая снаружи и изнутри. Эти знания и возможности открыты только перед нами. И только *наша* кровь может принять в себя животную энергию. Этому меня научили много лет назад, а теперь я передаю это знание тебе.

Сифэн повиновалась, продолжая плакать, хотя белка не испытывала больше страданий. Вкус ее маленького сердца отдавал железом и гнилым мясом, оно скользнуло вниз по ее горлу как горячий червяк. Она жалобно пыталась подавить подступившие к горлу спазмы, но ужас улетучился, когда Гума положила ладонь на ее снова гладкую, лишенную шрамов спину. Жизненная энергия белки исцелила ее раны – все до единой.

Глядя на мертвых кроликов, Сифэн вспоминала тот день.

С той поры ей приходилось убивать трижды, но только по требованию Гумы, для приготовления необходимых ей эликсиров и колдовства. Тетка не позволяла ей самой лечиться таким способом. Раны, наносимые ей, должны были напоминать о необходимости повиновения, – но теперь, освободившись от власти Гумы, она могла поступать как считает нужным.

Пытаясь справиться с растущим волнением, она закрыла глаза в молитве.

– *Простите меня, Великие боги,* – молила она. – *Простите меня за отнятые мною жизни.*

Но она не услышала ответа, ей не было дано прощения... только страх, от которого ее кожа покрылась липким потом, поднимался из глубины ее души.

Посреди этого молчания всю ее вдруг охватил голод – глубинный, первобытный и свирепый, сильнее ярости, неодолимее похоти. Тварь внутри вострепелась, охорашиваясь; ее ядовитая ласка пронизывала каждую клеточку тела Сифэн, вызывая в нем трепет неутолимого желания. Девушка была бессильна перед этой страстью, так как вожеление твари было одновременно и *ее собственным*. Она чувствовала, что, утолив этот голод, очистится. Лицо вновь станет совершенным, каким и должно быть на пути к осуществлению ее предназначения.

Пальцы Сифэн вонзались в тельца кроликов, круша их кости в поисках маленьких сердечек. Наконец она достала и положила в рот еще слабо трепетавшие сердца зверьков. Их кровь обжигала горло, но лавина нахлынувшей радости эхом отзывалась из глубины ее тела. Чувство удовлетворения и ленивого блаженства переполняло девушку.

Ее пальцы пробежались по лицу – оно было столь же безукоризненно, как и прежде. Щека на ощупь казалась гладкой и чистой, как будто с нее просто соскреблили рану как грязь. Сифэн знала: если она сейчас посмотрит на свое отражение, личико, как и раньше, будет сиять красотой, свидетельствуя о внешнем и внутреннем здоровье его обладательницы. Мысль о том, что она владеет тайными знаниями и может использовать их, когда только пожелает, пьянила и кружила голову, как вино.

– Госпожа?

Застигнутая врасплох, Сифэн отскочила, выронив из рук тушки.

Рядом с ней стоял Сиро. Его взгляд выражал не обожание или страсть, которые она привыкла видеть на лицах мужчин, смотрящих на нее, а ужас, подобный тому, который девушка испытывала, когда Гума впервые заставила ее съесть беличье сердце.

Еще минуту назад этот взгляд заставил бы ее содрогнуться, но сейчас она чувствовала себя сильной и неуязвимой.

– Я поймала их нам на завтрак, – спокойно, сохраняя самообладание, сказала она. – Мне хотелось отплатить вам за кабана, которым нас угощали вечером.

Он продолжал пристально смотреть на нее. Сифэн догадалась, что, по-видимому, ее губы перепачканы кровью, а следы окровавленных пальцев остались на щеке в том месте, где она к ней прикасалась. Но он не произнес ни слова, глядя, как она вытирает лицо, так же беспечно, как если бы она смахивала с губ хлебные крошки после еды.

– Позвольте я понесу их, – сказал Сиро галантно.

Неясно было, обратил ли он внимание на то, как растерзаны тушки кроликов, – он принял их не разглядывая и без дальнейших комментариев, от которых вряд ли воздержался бы Вэй, не отличавшийся тактом.

Сифэн вытерла кинжал о свое платье и спокойно вложила его в ножны.

– В местах, откуда я родом, кролики считаются деликатесом, – продолжил Сиро, как будто не произошло ничего необычного. – На нашем острове их немного.

– Зато, думаю, дары моря у вас в изобилии и они наверняка очень вкусны, – как ни в чем ни бывало, все таким же ровным голосом отозвалась она, кашлянув, чтобы прочистить горло от крови. – Мы с моей теткой Гумой никогда не могли себе позволить купить хорошую рыбу или креветок.

– Я вырос в области, которая знаменита добычей морского жемчуга. Нырять достают раковины на большой глубине и часто охотятся за ними часами, всплывая на поверхность всего лишь несколько раз, чтобы глотнуть воздуха. Этим всегда занимаются женщины. Так что для меня нет ничего необычного в том, что женщина охотится и добывает для меня пищу, – добавил он, улыбаясь. Теперь его глаза не выражали ничего, кроме дружелюбия и восхищения. Возможно, он и не заметил ничего странного.

По мере приближения к месту ночлега напряжение между ними таяло.

– Я читала рассказы о жемчуге Камацу, – сказала Сифэн. – Это правда, что одеяния королевы расшиты сотнями жемчужин?

– Да, это так. А принцесса обычно вплетала их в волосы ее величества.

– Вплетала? А теперь?

– Она умерла, – коротко ответил он, и Сифэн не стала дальше расспрашивать.

Когда они подошли к стоянке, все мужчины были уже на ногах. Хидэки разжигал костер, чертыхаясь и стряхивая пепел с бороды. Вэй и Исао кормили лошадей, а Кэн паковал вещи. Все глаза немедленно устремились на Сифэн, она притягивала их как огонь притягивает мотыльков; лица мужчин при виде ее просветлели. Вэй нахмурился, заметив в руках у Сиро окровавленных кроликов.

– Юная дама любезно обеспечила нас всех завтраком, – возвестил Сиро, и во взглядах мужчин обожание сменилось изумлением.

– Что вас так потрясло? Неужели так странно, что я могу сама охотиться? – спросила Сифэн со смешанным чувством удовольствия и досады. Но в их глазах ясно читалось недоумение: все эти воины были уверены, что ее красота или, возможно, присутствие могучего мужчины рядом означали, что она ничего не может делать самостоятельно. Вежливо поблагодарив девушку, они вернулись к своим занятиям, однако, как она и предполагала, Вэй был недоволен.

– Ты сама их убила? – спросил он низким голосом, между его бровей пролегла глубокая складка. – Ты же знаешь, я не хочу, чтобы ты убивала. Оставь это мне или еще кому-нибудь из мужчин.

– Но это так легко. Позволь и мне поучаствовать. Я хочу быть полезной.

– Но ведь ты плакала каждый раз, когда Гума заставляла тебя убивать. Ты всегда огорчалась, даже если это было необходимо, чтобы добыть себе пищу. Разве не так? – Он изучал ее лицо, его взгляд надолго задержался на безупречно гладкой щеке.

– Твоя рана исчезла, – заметил он, и Сифэн услышала нотки недоверия в его голосе. – Каким образом?..

Сифэн уперла руки в бока:

– Я вылечила ее с помощью растений, которые нашла в лесу. И не стоит переживать из-за того, что я убила двух небольших кроликов.

Вэй посмотрел через ее плечо на мужчин, которые явно прислушивались к их разговору.

– Тебе хочется думать, что я слабая и хрупкая. Но я не нуждаюсь в твоём разрешении, если я пожелаю что-нибудь сделать. Ты мне не муж, – сказав это, Сифэн немедленно почувствовала укол совести.

Вэй отвернулся от нее, его голос был еле слышен, и ей пришлось напрячься, чтобы разобрать его слова:

– Раньше ты испытывала боль, если приходилось забирать чью-то жизнь. Она и *от этого* тебя отучила?

Сифэн подвинулась к Вэю и положила голову ему на плечо.

– Я такая же, как раньше, – прошептала девушка, но он отошел, не произнеся больше ни слова.

Крольчатина получилась очень нежной на вкус, Хидэки приправил ее душистыми травами и солью, взятыми им с собой из Камацу. Вэй ел молча, не вступая в общий разговор, и Сифэн тяжело было видеть его таким печальным. Она под села к нему поближе, ругая себя за вырвавшиеся у нее недобрые слова. Он так ее любил и верил в то, что она – само совершенство. Каждый недостаток, каждую совершенную ею ошибку он приписывал только Гуме, а не ей самой. Девушка обвила его рукой и попыталась вернуть его расположение. Он подвинулся к ней и грубоватым жестом вручил лучший кусок крольчатины.

Между тем Кэн с горящими от возбуждения глазами разглагольствовал о Чешуе Дракона.

– У нас не так много времени, чтобы ехать через горы, да и экипировка не та. Но какой бы это был восторг, если бы мне удалось проделать этот путь и остаться в живых!

– Это не игрушки, – усмехнувшись, возразил ему Сиро, а Исао саркастически добавил: – Ты можешь отправиться туда самостоятельно на обратном пути, а потом расскажешь нам об Алом войске... если воины отпустят тебя живым.

– Их не существует. Это все легенды, – пояснил Хидэки Вэю и Сифэн.

– Мне эту легенду слышать не приходилось, – призналась девушка.

– Откуда вам известно, что все это сказки, если вы отказываетесь там проехать? – с негодованием воскликнул Кэн. Он пылко обратился к Сифэн: – Они живут в пещерах среди горных вершин, не служат никому, даже Императору Цзюню, и никому не подчиняются. Но их можно уговорить сражаться за вас, если у вас есть то, что им надо.

Исао хмыкнул:

– Ты имеешь в виду мужей? Если их всех выдать замуж, они прекратят эту чепуху.

– Они женщины? – удивленно моргая, спросила Сифэн.

– Все до единой. И самые беспощадные убийцы на всем континенте, – Кэн, не обращая внимания на насмешки, приложил палец к губам. – Говорят, что, отправляясь воевать, они окрашивают губы кровью в ярко-красный цвет. Оттого их и зовут Алым войском.

– А может, так говорят, потому что они становятся сердитыми раз в месяц, когда Луна стоит высоко и из них вытекает их собственная кровь? – развязно заметил Исао.

– Довольно, – резко оборвал его Сиро. Нам пора ехать. Через неделю доберемся до главных ворот Великого Леса, а оттуда еще несколько дней езды до Императорского Города.

Поднявшись, Вэй приторочил тюки к седлу старой серой лошади, взобрался на нее и подал руку Сифэн. Подпрыгнув, она уселась позади него, крепко обхватив за талию. Этот мужчина, сидящий на лошади, смотрел на возлюбленную такими глазами, будто она была самой яркой звездой на небе. Он так хотел видеть в своей спутнице совершенство, что посвятил ей всего себя, не получая в ответ ни обещаний, ни даже надежды.

– *Любовь погубила твою мать, – всегда остерегала Сифэн тетка. – Отдав свое сердце, ты потеряешь душу.*

Гума была убеждена, что любить кого-либо – все равно что ходить по краю бездонной пропасти, поэтому поклялась, что никогда не позволит Сифэн упасть в эту пропасть. Тем более что судьба уготовила девушке гораздо более высокое предназначение.

– *Да и будет ли Вэю лучше от моей любви?* – думала Сифэн со смешанным чувством печали и страха. Она видела, что его гнев смягчился в ее объятиях.

– Пожалуйста, не надо больше на меня сердиться, – прошептала она.

– Я не сержусь. Во всяком случае, на тебя.

И этого, думала Сифэн, в то время как кони уносили их прочь от стоянки, будет достаточно.

8

Неделя пролетела без особых происшествий, и в последнее утро перед тем, как достичь наконец ворот Великого Леса, они спешили, чтобы размять ноги, болевшие от непрерывного нахождения в седле. С лошадьми в поводу, они поднимались к вершине холма по направлению к фактории, где им предстояло пополнить запасы.

Вэй и Хидэки ушли вперед, и Кэн немедленно оказался рядом с Сифэн.

– Нам уже недалеко осталось до Императорского Города, – успокоил он, заметив у нее на лице болезненную гримасу. – К тому времени, когда мы доберемся туда, вы уже будете опытной наездницей.

Она засмеялась:

– Ну что ж, если новая императорская наложница преодолела такое расстояние, значит, и я смогу... хотя она-то путешествовала в паланкине. Интересно, как она сейчас поживает.

– Скорее всего, лучше, чем раньше. Вы ей завидуете?

– Почему вы так говорите? – спросила Сифэн с легкой обидой в голосе.

– Я не уверен, что ей в ее положении стоит завидовать. Мне кажется, у наложниц просто нет выбора. Если они понравились Императору, им ничего не остается, кроме как подчиниться его воле.

В улыбке Сифэн чувствовался легкий налет горечи.

– Женщина рождена, чтобы повиноваться.

В этом отношении она ничем не отличалась от наложниц, за исключением того, что ее хозяевами были Гума и потусторонние силы.

– Нет, *не Гума*, – напомнила она себе. – Гума больше не имеет над ней власти.

Фактория оказалась маленькой, но была заполнена покупателями, вероятно, из-за хорошего выбора товаров. В шести или семи палатках и лотках можно было найти вещи на любой вкус. У одного торговца прилавок был завален рулонами грубой ткани, предназначенной для чепраков и мешков, другой выставил на продажу туфли и башмаки из мягкой кожи. В следующей палатке шла торговля всеми видами зерна, какие только можно было себе вообразить: дикий рис, просо, гаолян, сорго и пшеница.

– Хотела бы я, чтобы Гума на все это посмотрела, – подумала Сифэн. Однако девушку тут же кольнула мысль, что та, кого она должна была больше всех ненавидеть, до сих пор занимает так много места в ее душе. Подошедший Вэй отвлек Сифэн от мыслей о тетке.

– Мне бы хотелось здесь поселиться, – беззаботно сказала она. – У нас было бы все, что нам нужно.

Он усмехнулся:

– Вряд ли бы тебе понравились здешние грабители. После наступления темноты это место становится опасным: возможность поживиться деньгами и товарами привлекает сюда лихих людей.

Сиро и Кэн отправились взглянуть на кожаную обувь, а внимание Хидэки привлек прилавок, где продавец бойко торговал ароматным жареным мясом. Вэй остановился у лотка с изделиями из металла искусной работы: отполированные до блеска котелки и кастрюли соседствовали здесь с оружием из железа, стали и бронзы. В дальнем углу прилавка даже красовалась тигровая шкура, оказавшаяся под пальцами Сифэн удивительно мягкой и теплой. Ей в жизни не приходилось видеть ничего столь прекрасного: в совершенных, разнообразных по очертаниям полосках как будто смешались огонь и чернила.

– Во время битвы такие шкуры накидывают на лошадей, чтобы предохранить их от ран, – объяснил Вэй.

Девушка представила тигриное сердце, бьющееся под этой великолепной шкурой. Сожалел ли убийца о погубленном звере? Или он забрал эту жизнь, не обременяя себя излишними размышлениями, как поступила она с кроликами несколько дней назад?

Пока Вэй торговался о цене клинка, Сифэн, обернувшись, обнаружила палатку с блестящими изделиями из металла. Протиснувшись сквозь толпу потных тел, она оказалась перед целой коллекцией из сверкающих на солнце бронзовых зеркал. Они манили к себе – зеркала всех видов и размеров: некоторые, украшенные замысловатой резьбой, другие – простые и удобные. Некоторые из них были достаточно велики, чтобы висеть на стене, но по большей части на прилавке лежали ручные зеркальца.

– Тебе помочь? – Похотливая улыбка ремесленника обнаружила отсутствие пяти передних зубов, его налитые кровью глазки шарили по ее телу. – С таким личиком, как у тебя, и зеркало должно быть не менее прекрасным. Что бы ты ни выбрала – отдаю за полцены, а если хорошенько попросишь – так и вовсе бесплатно.

Подожли две женщины с кожей бронзового оттенка, они болтали между собой на незнакомом языке, и торговец нехотя повернулся в их сторону. Казалось, он понял их слова, однако ответил им на общепринятом языке:

– Я скидок не делаю. Все продается за полную цену.

Женщины скривились и что-то проворчали, а продавец открыто и нагло подмигнул Сифэн, давая понять, что его предложение для нее остается в силе.

Не обращая на него внимания, девушка разглядывала простое маленькое зеркальце в круглой оправе. Из-под тонкого слоя пыли на нее глядело отражение, настолько искаженное полированной бронзовой поверхностью, будто это было лицо незнакомки.

Сифэн дотронулась до своей гладкой, нежной щеки и тут увидела в зеркале нечто странное.

У нее за плечом, среди снующей толпы, стоит наблюдающий за ней человек. Лысый, крепко сбитый, в простом монашеском одеянии и с глазами, сверкающими, как темные кристаллы.

Она обернулась с бешено колотящимся сердцем – позади нее не было никого похожего на этого человека. Снова глянув в зеркало, девушка едва не закричала: он не только был там, но теперь стоял прямо позади нее, настолько близко, что от его дыхания шевелились волосы на ее лице.

Ее лице...

Мерзкий, отвратительный рубец, как и прежде, свирепо сверкал на левой щеке Сифэн. Он был втрое больше прежнего, тянулся от глаза к подбородку и сочился зеленоватым гноем. Рот девушки открылся в беззвучном крике, рука задрожала, и отражение затуманилось. Но ее пальцы по-прежнему прикасались к гладкой и лишенной изъянов коже, какой та всегда и была. Стоявший сзади монах поклонился и растворился в толпе.

– С тобой все в порядке, красавица? – спросил ремесленник. Он и двое покупателей усталились на нее. – Можно мне поймать тебя, если надумаешь падать в обморок?

Сифэн отшвырнула зеркало и кинулась прочь. В голове прокручивались мысли о двух монахах, заночевавших с ними на стоянке и исчезнувших до рассвета. Ей снился один из них, но то был всего лишь ночной кошмар.

Но что же случилось на этот раз? Еще одно зловещее видение среди бела дня, вдали от Гумы с ее ядовитыми курениями?

Девушке не стоило обольщаться: она знала наверняка, что Гума найдет способ отомстить. Возможно, тетка отправила вслед за ней монаха, чтобы тот повсюду следовал за Сифэн и пугал ее – таким образом Гума могла выполнить свое обещание «никогда не оставлять Сифэн в покое».

Сифэн проталкивалась сквозь толпу, ее глаза застилали слезы. Она хотела сделать все, чтобы убежать от проклятого зеркала так далеко, как только это возможно.

9

Вечер и следующее утро, которые они провели в дороге, прошли без приключений. Сифэн постоянно дотрагивалась до лица, чтобы убедиться, что рана не вернулась на прежнее место; она также время от времени оглядывалась назад, отчасти опасаясь, что монах может скрытно следовать за ними. Но тот больше не являлся ни во сне, ни наяву, и девушка старалась выбросить этот образ из головы: все, что каким-то образом связано с Гумой, могло только беспокоить и разозлить Вэя.

После полудня они наконец оказались перед величественной, уходящей далеко ввысь аркой, украшенной резными изображениями летящих драконов. Сифэн запрокинула голову, чтобы полюбоваться этим грандиозным сооружением. Меньше чем через пару недель, они достигнут ворот Императорского Города – сердца Империи и алмаза в короне Царства Великого Леса. Она прочла столько книг об этом центре торговли, культуры и традиций и о великолепном дворце, из которого Император Цзюнь диктовал свою волю всем царям континента Фэн Лу. Скоро Сифэн увидит все это собственными глазами.

Сиро внимательно всматривался в уходящую вглубь леса узкую тропу.

– Нам придется растянуться цепочкой. Впереди на своем коне поедет мы с Хидэки, затем Кэн. Вэй, вы можете ехать перед Исао...

– Мы возьмем на себя задний фланг. – Твердый, полный достоинства голос Вэя сразу же отметал всякие возражения, и посланник только кивнул в знак согласия.

Они проехали через ворота, и их мгновенно поглотила лесная чаща. Дыхание деревьев окутывало ледящим туманом и тенью, от каждой покрытой росой ветви исходил древний, затхлый запах земли. Сифэн думала о том, сколько веков простоял этот лес и свидетелем каких ужасных событий в человеческой истории ему пришлось стать.

Они ехали, почти не прерывая молчания, – казалось, сам Великий Лес требовал от них тишины; лишь раз путники сделали привал, чтобы дать передохнуть лошадям. Наступила ночь; им чудилось, что лес наполнен неведомой жизнью. Все застыло в недвижной тишине, и все же то тут, то там веточка отодвигалась, чтобы не попасть Сифэн в уголок глаза, будто кто-то маленький и невидимый двигался вместе с ними. А затем слышалось мягкое шуршание, как будто крохотные ножки стремительно убегали по древесному стволу. Звук был похож на тот, который она слышала, когда подкарауливала кроликов.

Вэй застыл позади нее: он тоже это слышал. В густом полумраке они разглядели Исао, который, обернувшись к ним, приложил палец к губам; Вэй ответил ему коротким кивком.

Сифэн обернулась назад: ее беспокоило, что монах может преследовать их. *Могла ли Гума послать его вслед за ними? Возможно ли, что могущество тетки простирается даже вглубь Великого Леса? Девушка сожалела, что, по настоянию Вэя, они замыкали процессию; черт бы поддрал его гордость. Они были бы под защитой Исао, находишь он позади них. Если сейчас кто-нибудь нападет, они с Вэем погибнут первыми. И лучше бы вместо Исао рядом с ними ехал Кэн: его рассказы могли бы ее хоть немного успокоить.*

Вэй успокаивающе погладил ее руку, и она вдруг осознала, что ее кисть сжата в кулак. Маленькие ступни по-прежнему семенили над головой, короткая тишина наступала лишь, когда создание перепрыгивало с одного дерева на другое.

– Кто это может быть? Правильно ли мы поступаем, путешествуя ночью?

– Конечно, правильно, – ответил Вэй, и Сифэн попыталась найти утешение в его уверенности.

Она знала, что деревья в этом глухом, темном, древнем лесу были необычные. Они обладали способностью преломлять свет для достижения каких-то своих целей. Будь их маленький отряд попредставительнее, это не имело бы значения: всегда нашелся бы кто-нибудь более

внимательный и чуткий, чем остальные, кто мог бы предупредить их об обманчивом видении или о затаившемся в засаде хищнике. Но одинокие путники двигались в темноте, так что им ничего не оставалось, кроме как довериться этому лесу.

– Впрочем, *довериться* – неподходящее слово, – решила про себя Сифэн.

Неожиданно Вэй резко осадил лошадь. Всадники впереди них столь же внезапно остановились. Кэн и Исао поворачивались во все стороны, вглядываясь во тьму леса, а Сиро, сидящий на коне позади Хидэки, пригнул голову, внимательно прислушиваясь.

Откуда-то сзади донесся резкий, пронзительный свист. В мгновение ока Вэй, соскочив с лошади, выдернул Сифэн из седла и затолкал ее между деревьев. Знаками он велел ей лечь, и девушка повиновалась, припав к земле и прижавшись к шершавому еловому стволу. Хидэки также снял Сиро с коня и подтолкнул его к Сифэн. Коротышка встал на колени, положив руку на висящий на поясе кинжал.

Сквозь деревья в их сторону несли нарастающий звук, в воздухе запахло горячим металлом. Свист становился все громче, замелькали красные и оранжевые вспышки света, выхватывающие из тьмы дюжину конных воинов в масках. Некоторые из них держали в руках факелы, открывая взгляду оружие, которое вращал у себя над головой их предводитель, – огненные блики сверкали на зловещем кривом лезвии длиной с человеческий торс. Острое как бритва, оно крутилось на черном канате, с пронзительным свистом разрезая воздух.

– Великие боги у нас над головой, – прошептал Сиро, не отрывая взгляда от сверкающей косы.

Вэй, Кэн и Хидэки обнажили свои клинки и встали перед нападавшими. Сифэн, вцепившись ногтями в древесную кору, смотрела на Исао, выступившего впереди других мужчин. Ей не нравилось его тщеславие, но отсутствие скромности в нем с лихвой восполнялось его несомненной храбростью.

– Кто вы? – прокричал он. – Чего вы хотите?

В мгновение ока коса опустилась вниз и Исао упал. Верхняя и нижняя части его разрубленного пополам тела разлетелись в разные стороны. На папоротники, за которыми прятались Сиро и Сифэн, брызнуло что-то влажное, и от этого в холодном воздухе поднялся пар.

Взревев, Хидэки бросился вперед, и окровавленная коса, описав круг, с чудовищной силой обрушилась на его меч. Схватившись обеими руками за рукоять, Хидэки атаковал нападавшего, и тот спрыгнул с лошади, чтобы увернуться от меча. С тошнотворным хлюпающим звуком лезвие вонзилось в стоящего позади него человека. Сразу несколько убийц, спешившись, кинулись к Вэю и Кэну, которые с трудом пытались сдержать нападавших.

– Я должен им помочь, – проговорил Сиро сквозь стиснутые зубы. – Я не могу отсиживаться здесь как трус.

– Вас убьют, – зашипела на него Сифэн, видя, как меч воина с закрытым лицом просвистел мимо головы Вэя. Ее взгляд невольно возвращался к разрубленному и затоптанному в пыли битвы телу Исао. Его голова была неестественно вывернута, открытые глаза безжизненно смотрели в ее сторону. Она представила Вэя на его месте – ослепшего, безгласного, навсегда потерянного для нее, и, едва дыша, вцепилась в руку Сиро.

Увернувшись от направленного на него копья, Вэй приставил меч к груди противника, и двое мужчин закружились в смертельном танце. Вэй бросил врага наземь и навалился всем весом на рукоять меча, пронзая клинком плоть и кости поверженного.

Он не видел приближавшегося человека с косой, чья рука, раскрутив канат, уже занесла лезвие над спиной Вэя.

Выругавшись на своем родном языке, Сиро выдернул руку у вцепившейся в него Сифэн. Он ринулся на тропу и глубоко вонзил свой меч в икру левой ноги атакующего Вэя воина. Воздух наполнился металлическим зловонием крови и раненой плоти, и воин издал ужасающий

воюющий вопль, заставивший Сифэн похолодеть. Вэй, сверкнув глазами, развернулся, мощным ударом меча отсек голову воина, и кровь водопадом обрушилась на Сиро.

– Я в порядке, – прорычал Сиро в сторону Вэя, отплевываясь от крови. – Позаботься о Кэне.

Сифэн вскрикнула от ужаса, видя, в каком положении оказался юный воин. Он стоял в круге из пылающих веток, загнанный в угол врагами с факелами в руках. На мгновение ей показалось, что один из них пытается спасти Кэна, поливая его жидкостью из металлической фляги.

Но, когда стоявшие вокруг поднесли факелы к телу юноши и пламя взвилось еще яростнее, Сифэн поняла, что для воды жидкость была чересчур густой – убийца поливал его маслом.

Хидэки и Вэй ринулись к нему на помощь, но было слишком поздно. Через несколько мгновений тело Кэна охватил огонь. Красно-оранжевые языки адского пламени лизали его кожу, а Сифэн, подавляя душившие ее рыдания, беспомощно смотрела, как он корчится от боли в заволакивающей все кровавой мгле и как падает в конце концов в поглотившее его пламя. Кэна – с его застенчивыми манерами, фантастическими историями и мальчишеской любовью к приключениям – больше не было на свете.

Сиро выкрикнул его имя и повернул к Сифэн искаженное страданием лицо, но вдруг взгляд его, направленный куда-то вверх над ее головой, застыл от ужаса. Она услышала громкий шорох и на этот раз не сдержалась. Запрокинув голову, девушка посмотрела вверх и вскрикнула от представшей перед ней картины.

Лица, тысячи уродливых, отвратительных лиц глядели на них с верхушек деревьев. Они не принадлежали к человеческому роду – нет, существа были красными как огонь, как любовь или смерть, и висели между листьями как кровавые плоды. С одинаковой ненавистью взирали они на Вэя с его спутниками и на атакующих их воинов в масках.

Вэй и Хидэки все еще сражались с оставшимися в живых убийцами, но даже металлический звон их мечей был не в состоянии заглушить вдруг раздавшийся звук: в ветвях деревьев послышался громкий вздох, как будто все лица там, наверху, вдохнули воздух одновременно.

Сифэн отползла от дерева, на верхушке которого мерцала дюжина лиц, напоминая демонические звезды. Ей хотелось быть подальше от них в момент, когда эти твари снова сделают выдох.

– *Тэнгару!* – закричал Сиро, и слезы потекли по щекам Сифэн: она вспомнила о Кэне.

В наступившей краткой передышке она подумала, что судьба жестоко посмеялась над юным воином: он погиб за мгновение до появления фантастических существ, о которых ему рассказывала бабушка. Охвативший девушку истерический смех оборвался, потонув в яростном, бурном порыве ветра – это, как она и предвидела, был общий выдох – а затем *тэнгару* прыгнули вниз с деревьев.

Мужчины на тропе разом повернулись в их сторону. В свете костра лики демонов явились в их подлинном, рождающем ужас облики: древние и дикие, они напоминали лошадей, однако в них было и нечто человеческое. Их вытянутые угловатые головы заканчивались парой узких ноздрей и прорезью рта с острыми зубами и были увенчаны двумя угрожающе выгнутыми рогами цвета слоновой кости. Глаза пылали подобно ночным кострам, полные жизни, ума и злобы, вспыхнувшей, когда их заостренные уши уловили громкий звук струи, пущенной от страха одним из убийц.

Худощавые красно-оранжевые тела существ пахли как пахнет сам лес, как пахнет почва, извлеченная из глубин Земли. Сифэн била дрожь от их *неестественного* вида: лошадиная голова и шея были посажены на гибкое кошачье тело, заканчивавшееся угольно-черным змеиным хвостом с колючками.

Сиро сделал шаг вперед, оставив позади Вэя и Хидэки.

– Мы не замыслием ничего дурного, – сказал он спокойным твердым тоном. Рука его сжимала кинжал, но острие было направлено вниз, к ногам. – Мы всего лишь путники, направляющиеся в Императорский Город.

Напротив него сгрудились сотни *тэнгару*, каждый размером с крупную собаку. На их могучих лапах красовалось по пять выпущенных острых когтей. От одного их смертельного прикосновения падали срезанные под корень папоротники и кусты, и у Сифэн не было сомнений, что подобная участь может постичь и человека.

Один из них, по-видимому, предводитель, выдвинулся вперед и остановился, когда его свирепое лицо со смысленными глазами оказалось в нескольких дюймах от носа Сиро. Мышцы подрагивали на его изящных бедрах, он угрожающе расправил хвост и произнес голосом, древним, как ветер:

– Мы демоны, хранители леса. Защищаем его от людей вроде *вас*, безрассудно сжигающих наши деревья.

– Мы не замыслием ничего дурного, – повторил Сиро, и уши демона дрогнули в ответ на его почтительный тон. – Наши воины попали в засаду, и напавшие на нас, как вы можете видеть, имеют при себе факелы.

Тэнгару образовали тесное кольцо вокруг людей в масках, и те сбились в кучу, в то время как демоны, сердито рыча, обнюхивали их щиколотки. Несколько чудовищ окружили Вэй и Хидэки, а один из них сквозь завесу из папоротников и трав следил за каждым движением Сифэн. Вэй обернулся в ее сторону, губы парня беззвучно произнесли ее имя, и ее сердце сжалось от ужаса.

– Изо дня в день, – проскрежетал *тэнгару*, – мы наблюдаем, как вырубают наши деревья, как топчут листья. Красота этого мира исчезает слишком быстро из-за жестокости и безрассудства человека.

– Вот люди, убившие наших друзей и поджегшие ветви ваших деревьев, – непреклонно произнес Сиро, свободной рукой указывая на разбойников. – Мы всего лишь проходили мимо. Нам нужно доставить важное сообщение Императору Цзюню от царя Камацу.

При слове *Камацу*, произнесенном Сиро с характерным ритмичным акцентом, глаза существа блеснули. Предводитель повернулся к ним спиной, и Сифэн с облегчением поняла, что *тэнгару* поверил посланнику. Теперь он сосредоточил свое внимание на разбойниках в масках, и, пока демон произносил приговор, один из напуганных мужчин стал панически размахивать мечом, сразив при этом нескольких чудовищ. Волна гнева, вибрируя, пронеслась по рядам существ, как будто у них было одно тело на всех, и рты демонов одновременно изрыгнули яростный вопль. Бросившись на нападавших, они когтями стали в ключья разрывать их плоть.

Сиро, Хидэки и Вэй поспешно отступили, спотыкаясь о ветки и останки Исао. Вэй раскрыл объятия, и Сифэн бросилась к нему, уткнувшись лицом в могучую грудь. Девушка знала, что после этой ночи у нее в ушах еще долго будут стоять непрекращающиеся вопли и звук от раздираемой острыми когтями плоти.

Однако мучительные крики прекратились спустя несколько мгновений. Приоткрыв один глаз, Сифэн увидела, как последний оставшийся в живых разбойник проткнул *тэнгару* копьем. Четверо демонов немедленно прижали нападавшего к дереву, а пятый хлестнул его израненное тело своим покрытым колючками хвостом. Безжизненное тело упало, превратившись в неподвижную кучу из мяса и костей.

Тэнгару как по команде медленно повернулись к Сифэн и оставшимся воинам, а затем двинулись в их сторону, почти синхронно переставляя окровавленные лапы, словно все эти существа слились в одно.

10

У Вэя от напряжения побелели костяшки пальцев, которыми он сжимал рукоять меча.

– Отпустите нас.

– Отпустить вас? – усмехнулся предводитель демонов. – Отпустить вас, в то время как наши павшие лежат на земле подобно растоптанному цветку мака?

Лес превратился в кровавую могилу людей и *тэнгару*. Повсюду на земле были разбросаны темнеющие во мгле растерзанные тела. Внезапно демоны, стоявшие поблизости от трупов, завертелись, окутавшись красно-оранжевым туманом. Образовавшийся вихрь унес останки и погасил тлеющие угли, после чего все исчезло. Перед выжившими оказалось лишь трое *тэнгару*, с недоверием уставившихся на путников.

– Мы не сделали вам ничего плохого, дорогие хранители, – тихо сказал Сиро.

– Вы так считаете? Вы навлекли на нас зло и смерть, – отвечал предводитель. – Эти разбойники были посланы, чтобы убить вас всех до единого. Нас прислали, чтобы вам помочь.

Правдивость этих слов заставила Сифэн вздрогнуть. Если бы *тэнгару* не вмешались, они, имея только Вэя и Хидэки, способных оказать сопротивление, были бы повержены и уничтожены один за другим. *Но кто узнал, что им нужна помощь?*

– Нас заботит только спасение леса, а вовсе не вы, – продолжал *тэнгару*. – Нам было бы проще убить вас и на этом закончить все дела.

Сиро наморщил лоб:

– Мы признаем свою вину. Я посланник царя Камацу. Возможно, некий противник мирного договора между нами и Императором Цзюнем подослал сюда этих разбойников.

Сифэн изумило его предположение. В глубине души девушке казалось, что, согласно предсказанию теткинских карт, убийцы были отправлены именно к ней. Что это было первое препятствие, устроенное Шутом, – происки врага, который пытается помешать исполнению предначертанного ей. Теперь же Сифэн понимала, что ее собственное предположение могло оказаться ошибочным, ведь возможность стать Императрицей представлялась в этих таящих смерть лесах столь же далекой, как ее старый дом.

– Кто бы ни был причиной произошедшего, теперь это не имеет значения, – заключил *тэнгару*. – Сегодня все мы понесли большие потери. Наша королева хочет с вами поговорить.

На мгновение его глаза встретились с глазами Сифэн, в них читалось такое глубокое и древнее знание, что, ощутив пробирающий до костей озноб, девушка отвернулась к Вэю.

– Посланник, – протестующе начал Хидэки, но Сиро остановил его жестом руки.

– Мы поедим. Если королева этого хочет, мы предстанем перед ней.

– Я не предлагал вам выбора, но, в любом случае, это мудрое решение, – согласился *тэнгару*. – Вон там вас ждут ваши лошади.

Три даговадских коня сгрудились вокруг старой кобылы Вэя, как будто желая защитить ее. Хидэки помог Сиро взобраться на одного из них и сам сел на другого. Вэй посадил Сифэн на свою серую лошадь, но, когда он собрался вскочить в седло позади нее, демоны протестующе зашипели.

– Каждый из вас должен ехать один, – скомандовал предводитель, и Вэю пришлось сесть на жеребца, принадлежавшего Кэну.

Один из *тэнгару* возглавил процессию, заняв место подле Хидэки, за ними следовал Сиро, затем Сифэн. Двое других демонов, по одному с каждой стороны, сопровождали замыкавшего цепочку Вэя. Время от времени на пути через темную лесную чащу слышался шелест, производимый их колючими хвостами. Сифэн понимала, что это предупредительный сигнал: они умели быть бесшумными, когда хотели.

Солнце начинало подниматься, и его бледные лучи озаряли верхушки деревьев – они окружали путников со всех сторон, и Сифэн не могла определить, откуда исходит свет. Это сбивало ее с толку, и ощущение зыбкости только возрастало от пятен света, пляшущих на покрытой росой листве и смолистых стволах елей, наполняя воздух слепящим мерцанием.

Вэй тихо пробормотал ее имя, и девушка устало кивнула, показывая, что с ней все в порядке. Сифэн вдруг захотелось оказаться в своей старой комнате рядом с Нин и уснуть. У нее болела голова, ныли кости, а по телу пробежала дрожь при мысли, что, может быть, конец уже близок. Казалось, все, чему учила ее Гума, пропадет теперь втуне, ведь не исключено, что *тэнгару* собираются их убить. И Сифэн умрет в восемнадцать лет, не успев увидеть этот мир, потерянная для него, даже не начав жить. Возможно, именно такой судьбы хотела для нее Гума, а вовсе не той, что она предрекала; возможно, Сифэн совершила ужасную ошибку, покинув ее.

– Вот уж действительно, Императрица, – прошептала она. *Тэнгару*, идущий впереди, обернулся и окинул ее взглядом, хотя, скорее всего, он не мог ее услышать. Девушка притихла, стараясь не думать о том, как именно он, возможно, ее умертвит.

Часом позже они увидели пробивающееся сквозь подлесок массивное гранитное сооружение. Некоторое время Сифэн разглядывала расположенные высоко в скальной стене произвольно прорезанные щели, и наконец любопытство победило в ней страх.

– Скажите, пожалуйста, что это за отверстия? – обратилась она к *тэнгару*.

При свете дня демон выглядел не так устрашающе – скорее, как странная маленькая лошадь. Однако взгляд его по-прежнему рождал тревогу, так как выдавал в нем обладателя сверхъестественных знаний, и от этого взгляда по коже девушки вновь забегали мурашки.

– Гробницы, – ответил он. – Места последнего упокоения людей, давно позабытых. Много веков тому назад на этом месте произошла великая битва.

Сифэн представила, как должна была выглядеть эта битва: кровавая бойня вроде той, что ей пришлось увидеть вчера, только гораздо масштабнее: земля, заваленная изуродованными трупами, деревья, окропленные свежей кровью, – и у нее задрожали руки.

– Моя тетка, Гума, всегда сердилась, если я не хотела охотиться. Кажется, я теперь понимаю почему.

– Понимаешь?

– Жизнь, отнятая у маленького существа, – ничто в сравнении с жестокостью мира.

Сифэн отвела взгляд от всепонимающих глаз *тэнгару*, подозревая в глубине души, что он сурово осуждает ее за такие мысли, и, сожалея, что начала этот разговор, потерла левую щеку.

Они ехали весь день и весь вечер, и, когда снова наступила полночь, клочки неба, проглядывавшие сквозь ветви деревьев, изменили цвет с золотого на темно-синий, словно кто-то поставил чернильное пятно на листе бумаги. Слепящие солнечные зайчики, игравшие на листве и стволах деревьев, исчезли, и Сифэн вздохнула с облегчением, когда наконец они остановились среди деревьев, чтобы отдохнуть под пристальными взглядами не спускающих с них глаз *тэнгару*.

Несколько долгих дней пути прошли как в тумане, путники едва не падали от изнеможения. Отдых разрешался лишь по усмотрению демонов, и они ехали почти в полном молчании, произнося лишь изредка по несколько слов, – казалось, *тэнгару* так же, как и деревья, требовали полной тишины. Наконец к вечеру десятого дня пути через лес между деревьями появились просветы и трава под копытами лошадей стала мягче. Ехавшие впереди Хидэки и Сиро выпрямились в своих седлах и огляделись.

– Мы уже приехали? – спросил Сиро, и демон ответил ему коротким кивком.

Лес расступился, и их взглядам открылась огромная поляна. Ароматные травы покрывали ее сплошным ковром, а в центре находился великолепный пруд, его спокойная и ясная поверхность была столь же прекрасна, сколь и отражавшиеся в нем звезды. Ивы грациозно склонялись к воде, и откуда-то из ветвей раздавалось нежное пение птиц. Легкий ветерок был

наполнен ароматом лотосов лунного цвета, покоившихся на поверхности пруда, словно это не растения, а спящие девы.

В центре пруда находился остров, его укрывали от слишком яркого солнца кроны четырех дубов, изогнутые ветви которых были украшены гирляндами белых цветов. Все это напоминало пагоду, сотворенную самой природой, отдыхающей в этом потаенном царстве безмятежности. Эта красота наполнила душу Сифэн страстной жадой покоя и одновременно странным шемющим предчувствием, что обрести его ей не суждено.

– Что это за место? – прошептал Хидэки.

– Это святилище нашей королевы, – возвестил *тэнгару*. – Она старейшая и мудрейшая среди нас и живет на Фэн Лу еще со времен, предшествовавших эпохе Владык Драконов.

Сифэн соскользнула с лошади и ступила на сочную траву. Ей ужасно хотелось скинуть обувь и охладить усталые ступни, но под суровым взглядом *тэнгару* она не осмелилась этого сделать. Демоны провели их мимо широкого деревянного помоста со стоящими на нем четырьмя зажженными светильниками. На низком столике, что находился на помосте, стояла приготовленная еда, тут же были устроены постели.

– Нас здесь ожидали, – шепнула она Вэю, и он устало кивнул в ответ.

Они прошли по перекинутому через пруд горбтому мостику, и, по мере их приближения к фигурке, маячившей под сенью пагоды из деревьев, цветочный аромат усиливался.

Королева *тэнгару* устремила на них глаза, похожие на две луны, сияющие на древнем ночном небе ее лица. Элегантно удлиненная лошадиная голова и изящная форма конечностей придавали ей сходство с более молодыми демонами, но рога напоминали олени, а шерсть вокруг рта и носа была темной как оникс. Ее хрупкое тело покоилось на ложе из кремовых цветов, похожих на нежнейшие облака.

– Вы принесли с собой смерть и разрушение. Страх и ненависть.

В ее голосе была сила, удивительная для такого старого хрупкого тела. Казалось, ее глаза-луны смотрели сквозь Сифэн, и той пришлось заставить себя встретить этот взгляд; королева ответила ей слабой довольной улыбкой.

– О Нежнейшая, мы уничтожили убийц, которых они привлекли в Великий Лес, – доложил ей предводитель *тэнгару*. – Один из них был вооружен смертельным лезвием, а другие повредили горящими факелами множество деревьев. Многие из нас были убиты. Это ужасная потеря, но нам не удалось ее избежать.

Королева заговорила низким, полным печали голосом:

– Мы не можем мириться с жестокостью и войнами людей в священном Великом Лесу.

– Мы относимся к Великому Лесу с бесконечным почтением, ваше величество, – сказал Сиро. – Полагаю, эти люди пришли сюда из-за меня. Я посланник Бескрайнего Моря, выполняющий важное поручение нашего царя.

Сифэн была раздосадована. Ведь *она*, с той судьбой, которая была ей обещана, с меньшей вероятностью могла оказаться мишенью для подосланных убийц. Однако досада очень быстро сменилась стыдом за подобные мысли. Девушка почувствовала, что королева вновь внимательно на нее посмотрела.

– Нам следует казнить их, чтобы умиловить богов, – провозгласил один из *тэнгару*.

Вэй напрягся, но королева лишь покачала своей изящной головой.

– Я не намерена никого казнить. Отпущенный мне на этой земле срок почти подошел к концу, а их – только начинается. И каждому из этих людей еще предстоит сыграть свою роль в истории.

Она с трудом поднялась со своего места. Эта женщина была крупнее остальных *тэнгару*, ее голова доходила до локтя Сифэн, но при этом силы в ней было не больше, чем у котенка. Казалось, каждый шаг отдавался болью в ее теле.

– Война между лесом и морем закончилась, но напряжение нарастает, – продолжала она. – На Фэн Лу не будет прежней безмятежной жизни. Я видела, как люди привыкают к жестокости этого мира. Я наблюдала, как этот континент покоя и изобилия превращается в полное алчности и насилия место – именно таким он стал сейчас.

Глаза Хидэки засверкали:

– То, о чем вы говорите, – совершенная правда, ваше величество. Нам казалось, что мирный договор с Императором Цзюнем справедлив и у нашего царя будут равные права с ним. Мы думали, что сможем оставлять нефрит у себя на острове. Тем не менее нас вынудили выплачивать Императору проценты. Они открыто грабят, забирая себе наши богатства, и все это – лишь пародия на дружбу, наш народ этим не обманешь.

Сиро покачал головой, но воин, тряся бородой, продолжал свою обличительную речь.

– Камацу и Великий Лес всегда были отдельными государствами, Цзюнь всего лишь называется нашим Императором. Его упования на то, что мы примем нечестные условия без возражений, означают, что впереди нас ожидает война даже более кровопролитная, чем прежняя.

– Вояки... – В голосе королевы сквозила насмешка. – Жажда кровопролития в мирные времена и желание иметь больше, когда и так всего хватает. Имейте в виду: к вам призвали моих *тэнгару*, но они явились только для того, чтобы защитить лес.

– Кто вызвал вас к нам на помощь? – спросил Вэй, но королева лишь покачала головой с загадочной улыбкой.

– Откуда вы узнаете обо всех этих вещах, великая королева? О том, что происходит в мире? – Сиро жестом указал на окрестности, и Сифэн поняла, что он имел в виду. Святилище *тэнгару* казалось удаленным от мира и от всех тревог людского племени.

– Мои сыновья и дочери приносят мне новости. Кроме того, у меня есть и иные способы добывать знания.

Королева повернулась к пруду, в котором отражалась красота мерцающего звездного неба, и Сифэн уловила легкую дрожь на его поверхности. Ей не требовалось быть столь же опытной, как Гума, чтобы понять: загадочные темные глубины пруда таят в себе самую искусную магию.

– Война за войной сотрясали этот континент с тех пор, как Владыки- Драконы покинули Фэн Лу и своих человеческих потомков, так что после них здесь остались лишь распри и ненависть.

Глубокое отчаяние слышалось в словах королевы, помнившей этот мир зеленым, наполненным радостью и песнями, когда боги еще ходили по земле, как люди.

– И все-таки теплится еще слабая надежда на мир среди пяти царств Фэн Лу. Слыхали ли вы о храме, находящемся в Горах Просветления?

– Это был символ единения между Владыками-Драконами, – ответила Сифэн, вновь почувствовав боль при воспоминании о Кэне, которому так нравилась эта история. – В древности каждый из сыновей Неба правил одним из пяти царств Фэн Лу. Они сотворили этот континент, соединив стихии, из которых состоит мир: дерево Великого Леса, землю Священной Степи, огонь Зыбучих Песков Сурджаланы, металл Даговада, страны Четырех Ветров, и воду Камацу, Царства Безбрежного Моря.

– Каждый из них пожертвовал храму драгоценность в залог дружбы, – добавил Хидэки. – Но она продолжалась недолго, и они забрали из храма реликвии.

– Но почему? – впервые подал голос Вэй, и Сифэн стало стыдно из-за его невежества.

– Зависть, – быстро ответила девушка, чтобы отвлечь от него презрительные взгляды *тэнгару*. Но успела заметить, как качнула своей великолепной, увенчанной рогами головой королева, от внимания которой ничто не могло укрыться.

– Владыка Сурджаланы завидовал Царю Драконов, самому могущественному из пятерых правителю Великого Леса. Он считал, что титул принадлежит лишь ему, и эта ревность отра-

вила остальных. Братья вступили между собой в жестокую битву, а затем забрали свои сокровища и вернулись на небеса с разбитыми сердцами и горечью в душе.

Королева демонов подняла лицо к небу, в ее глазах отражалось мерцание звезд.

– И все же, может быть, еще настанет тот день, когда царства вновь соединятся. Когда великий человеческий правитель объединит их в союз против зла. Впрочем, возможно, это только надежда моего сердца, лелеющего счастливую мечту.

Она обернулась, и каждый проследил за ее взглядом.

Еще один арочный мостик через пруд заканчивался на противоположном краю поляны, где величавые дубы стражами стояли у каменных ворот. За ними находился еще один пруд, похожий на первый как две капли воды; посреди него росло молодое деревце. Одна половина деревца была зимней, здесь его ствол окутывал слой снега, в то время как другая половина купалась в весеннем воздухе, а его непорочные ветви были покрыты бело-розовыми бутонами.

Деревце напомнило Сифэн стихи, так напугавшие Гуму:

Луна льет на нас свой свет, возлюбленная, Вода – бескрайнее вечное зеркало, Шепчут нежные ветви. Отверни свой лик от хрупкости этого мира в яблоневом цветуИ прими в свои объятия вечную ночь.

Королева ответила на незаданный вопрос:

– Вот уже более тысячи лет на континенте нет яблоневых деревьев, надо спасти это... последнее.

У Сифэн по коже побежали мурашки. Согласно старым легендам, Царь Драконов, возвращаясь на небеса, не оставил и следа от этих деревьев.

– Но каким образом все это связано с *тэнгару*, явившимися, чтобы спасти нас, ваше величество? Или с тем, кто попросил прийти нам на помощь? – спросила девушка.

Острые ушки королевы повернулись:

– Все это связано с *вами*.

Она воздержалась от дальнейших объяснений и вернулась на свое ложе, в изнеможении опустив голову на цветы.

– Сегодня ночью вы мои гости. Вы сможете поеть, испить воды из моего пруда и выспаться – будьте уверены, здесь вам ничего не угрожает. Но, когда солнце снова взойдет, я прошу вас покинуть этот лес.

Она закрыла глаза, и исходивший от них свет погас.

Поднялся легкий ветерок, подхватив длинные волосы Сифэн.

На мгновение у нее перехватило дыхание: девушке показалось, что на поверхности пруда она видит два лица рядом – свое и Гумы – в окружении звезд. Но Сифэн моргнула, и образы исчезли, оставив на воде лишь отражение неба.

11

Их ожидал простой и сытный ужин: лесные орехи, ягоды, коренья и тающая во рту жареная рыба из пруда. Путники ели при свете ночников и беседовали приглушенными голосами, хотя поблизости больше не было следящих за ними *тэнгару*. В безмятежности сумерек поляна казалась наполненной жизнью. Ночью ее сущность, как и сущность всего Великого Леса, проявлялась особенно отчетливо.

С гримасой неудовольствия Хидэки принялся за коренья.

– Я не понимаю, зачем они притащили нас сюда. Мы не виноваты в том, что произошло.

– У них, должно быть, есть на то свои причины, – возразил Сиро. – Но меня тревожит, что мы так и не узнали, кто и почему прислал их нам на помощь.

– Королева сказала, что причина в тебе. – Вэй повернулся к Сифэн.

Девушке стало не по себе под обращенными на нее взглядами.

– Она имела в виду *всех* нас, – не раздумывая ответила она.

Хидэки вздохнул:

– Что касается воссоединения пяти царств Фэн Лу, то этого никогда не случится, пока на свете существует людское племя. Они ни за что не объединятся под знаменем одного человека, так же как сотни лет тому назад они не подчинились Царю Драконов.

– Напрасно ты начал разглагольствовать по поводу перемирия, – заметил Сиро. – Не нашего ума дело решать, какими должны быть торговые соглашения. Немного нефрита – очень небольшая цена для мира, даже если он и не просуществует долго.

Сифэн подалась вперед всем телом:

– Мне кажется, это такая захватывающая вещь: политика царей.

– Представляю, каково это: быть Императором. – Глаза Вэй блеснули, и он вонзил нож в свой кусок рыбы так, будто в руках у него был меч:

– Вторгнуться на территорию более слабого врага, с помощью подкупа и угроз получить то, что хочешь. А там, где слова не действуют, – приказать армии силой добиться исполнения твоих желаний...

– Это так, но нельзя все время использовать только силу, – отозвался Сиро. Политика царей, как выразилась Сифэн, требует определенного баланса сил. Никто не пошел бы на этот договор, если бы он не был выгоден обеим сторонам.

– Но в большей степени – его собственной, – прибавил Хидэки, и карлик вздохнул.

– Это, наверное, похоже на использование аптекарских весов, – предположила Сифэн. – Когда обе чаши выравнивают, так что они *кажутся* на одном уровне, хотя на одной из них может быть просто грязь, а на другой – золотая пыль.

Сиро посмотрел на нее с удивлением:

– Да вы – поэтесса.

– А вы аристократ, – хихикнула она, указывая на его тарелку. – В бедной семье никто не рискнет есть так медленно.

– Я уже трижды опустошил свою тарелку, – согласился с ней Вэй, и все рассмеялись.

– Моя семья пользуется большой благосклонностью нашего царя, – признался Сиро, – но среди моих братьев я один нахожусь у него на службе, остальные живут в свое удовольствие. Когда кому-то не везет и он рождается карликом среди высоких и статных, приходится доказывать, что он чего-то стоит всеми доступными способами. И что, в таком случае, может быть лучше политики – удела могущественных?

– Вы работаете непосредственно с царем? – спросил Вэй.

Сиро кивнул:

– Мне пришлось приложить вдесятеро больше усилий, нежели обычному чиновнику, чтобы попасть на это место. Но я добился своего. Не обращая внимания на насмешки, я сосредоточился на том, чтобы заслужить уважение людей в нашем царстве. Моя собственная семья не стала относиться ко мне более снисходительно, но что мне до этого, когда сам царь прислушивается к моему мнению?

Вэй слушал его, опустив голову:

– Но ведь вы – аристократ, и одно это уже ставит вас на недостижимую высоту по сравнению с юношей из бедной семьи. Я не утверждаю, что ваша жизнь была легкой, но близость семьи к царю открывала для вас все двери.

Хидэки посмотрел на него с интересом:

– Ты хочешь стать посланником?

– Я хочу стать бойцом. Воином Императорской армии.

– И выполнять желания Императора, когда слова не приносят результата? – улыбнулся Сиро, повторив высказанную Вэем ранее мысль.

– Когда требуется, мечи звучат сильнее слов. Но вряд ли мне предоставится такая счастливая возможность.

– Кто знает, быть может, ты обретишь ее во время нашего путешествия, – в голосе карлика слышалась доброта. – Возможно, ты достигнешь своей цели к концу нашего пути, но сейчас, я думаю, всем нам пора спать.

Он поморщился, дотронувшись рукой до плеча, но, видя общую обеспокоенность, добавил:

– Это пустяки. Коса поцарапала меня, когда я нанес рану разбойнику. Пойду помоюсь в пруду. Его воды, должно быть, прохладные и целебные.

– Я обязан вам жизнью, посланник. Если бы не вы, он бы меня убил.

Сиро отмахнулся от благодарности Вэя:

– Любой сделал бы для товарища то же самое.

Они низко поклонились друг другу.

Сифэн улеглась на приготовленное ложе, вдыхая сладкие ароматы жасмина и бамбука. Вэй притянул ее к себе, накрыв их обоих одеялом, и девушка мгновенно уснула. Но, несмотря на усталость и удобную постель, она просыпалась несколько раз за ночь с бешено колотящимся сердцем от преследовавшего ее ночного кошмара: пещеры, в которой угольно-черные змеи с глазами, подобными каплям крови, скользили в ее сторону.

Проснувшись в третий раз, Сифэн села в постели. Вэй спал как ребенок, подложив сложенные ладони под щеку, неподалеку от них мирно почивали Хидэки и Сиро. Звезды все еще сияли на небе, хотя низкие облака уже начали затуманивать луну. Девушка спустилась к пруду, по пути с наслаждением ощущая мягкость травы между пальцами ног, и ополоснула водой воспаленное лицо.

– Ты плохо спала. – Древний голос звучал как шелест листвы осенью или как падающий снег зимой.

Королева *тэнгару* с ее хрупким до прозрачности телом приблизилась к Сифэн. В темноте ее рога и хвост были почти незаметны, ее можно было принять за маленькую старую лошадь. Но человеческий разум, светившийся в ее глазах, развеивал эту иллюзию.

– Мне снились сны, только и всего.

– Только и всего? Ничего больше? – Бездонный взгляд королевы проникал в душу. – Ты мне любопытна. Ты разделена. Я это поняла, как только увидела тебя.

– Разделена?

– Посмотри на свое отражение, возможно, тогда поймешь...

Сифэн медленно наклонилась к своему отражению на поверхности пруда, так что ее волосы свесились через плечо. В лунном свете она могла разглядеть только правую половину

своего лица. Другая половина была скрыта тенью, виднелся лишь глаз, иступленный и черный, как ночь.

– Я вижу два лица. В тебе обитают два существа, и они борются между собой за власть. Сердце одного из них радуется тьме, и боль слабых душ служит для него пищей. Другое тянется к свету, жаждет жить и любить, как все люди. Неужели ты этого никогда не чувствовала?

Сифэн вглядывалась в поверхность воды с рассыпанными по ней звездами и видела свое лицо: одна половина его была светлой, другая – темной и скрытой. Она приложила руку пониже сердца, и пот выступил у нее на лбу. Сейчас тварь была неподвижна и молчала, но девушка знала, как быстро змеиная сущность может ожить, корчась в темнице ее тела.

– Воины убивают каждый день. – Перед глазами Сифэн встало кровопролитие на лесной тропе: Сиро, пронзающий мечом владельца косы, и Вэй, единым взмахом руки отсекающий голову своему противнику. – Почему я разделена, а они – нет? Почему судьба предназначила *мне* носить в себе эту тварь? Карты предсказали, что мое назначение – быть выше других, но...

– Здесь нечем гордиться, – резко оборвала ее королева, и Сифэн обернулась к ней, пораженная и пристыженная. – Твоя... тетка лишь навредила, забив тебе голову мыслями о твоём предназначении. Нет, это не ложь. Тебе *действительно* предстоит триумф, о котором она говорит, но только если ты сама выберешь этот путь. А не лучше ли ничего об этом не знать? Не лучше ли просыпаться каждый день, живя настоящим, нежели подчинить себя ожиданию будущего?

Сифэн с облегчением выдохнула и расправила плечи. Если в прошлом она не до конца верила Гуме, то теперь, услышав правду из уст королевы, можно было отбросить все сомнения. Захлестнувшую ее радость, однако, омрачала мысль о том, что это предназначение может таить для нее и Вэя.

– В таком случае мне придется продолжать хранить это знание втайне, – ответила девушка.

Тэнгару величаво подняла голову:

– Ты станешь Императрицей только в том случае, если по своей воле избереешь темный путь к этой цели. Имей в виду: ты не исключительна и не единственная на этом свете, чьи достоинства может оценить Император. Чем быстрее ты это поймешь, тем более правильный выбор сделаешь.

– Я была раздосадована на Сиро, потому что он решил, будто на нас напали из-за него, – призналась Сифэн. – Вы усовестили меня, и были правы. Я сомневалась в верности пророчества Гумы, но при этом всегда хотела, чтобы это было правдой. Мне хочется... нет, мне *необходимо* стать чем-то большим, чем я есть сейчас.

– Это возможно, – сказала королева, глядя на нее своим нежным взором. – И для этого тебе вовсе не обязательно следовать предложенным тебе сумрачным путем. Твоя Гума хочет власти и богатства, но *ты* желаешь стать Императрицей для чего-то другого. В чем причина, по которой тебе хочется оказаться в царской клетке?

– Клетка дает защиту. Она словно отделяет того, кто в ней находится, от остального мира... – Сифэн замялась: – Я устала быть никем и хочу что-то значить для людей. Став Императрицей, я смогу распоряжаться собой. Гума не посмеет мне приказывать, а Вэй не будет считать меня своей собственностью.

– Но другой человек – будет.

– Если я стану Императрицей, – возразила Сифэн, – меня начнут почитать и бояться. Я не хочу быть столь же незначительной и жалкой, как Гума или моя мать. Мне хочется сделать счастливыми тех, кого я люблю.

Она представила тетку, имеющую возможность отдыхать и есть досыта, вместо того чтобы горбиться над шитьем, и Вэя, занимающего высокий пост во дворце. Сифэн даже могла бы найти мужа для бедной маленькой Нин.

– Я буду Императрицей не только для себя, но сделаю так, чтобы и им было хорошо. У меня будет цель в жизни, для этого я готова *на все*.

Губы королевы искривились:

– Как легко ты готова отказаться от тех счастливых даров, которые у тебя уже есть. Но ты молода и еще многого не знаешь – того, что может заставить тебя пожалеть о своем выборе. Нам всем приходится через это пройти.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду, – сказала Сифэн уже не столь самоуверенно. – О каких счастливых дарах вы говорите?

– Подлинные любовь и дружба редко достаются тем, у кого есть власть.

Королева склонила голову, и, когда ее рога коснулись поверхности пруда, по отражавшемуся в нем ночному небу пробежала красивая волнистая рябь. Она проскользнула через весь пруд в сторону второго мостика, ведущего к яблоневому деревцу, и ветви яблони засверкали.

– Это дерево – самая большая драгоценность Фэн Лу. Все эти века я хранила его для того, кому оно предназначено.

– Для того, чья судьба – объединить царства и установить на континенте мир? – Сердце Сифэн забило сильнее при мысли, что этим человеком может оказаться *она*. Возможно, именно ей выпал этот славный жребий, и Гума говорила о нем, когда предрекала девушке судьбу Императрицы.

– Воды говорят о двух переплетающихся великих предназначениях. Одно из них может стать спасением для Фэн Лу, другое может привести его к гибели. Это дерево, возможно, предназначено для тебя... или для *нее*.

Для нее. Всего два слова, но в них так много смысла.

Первое значение: *она может быть не для тебя*. Второе значение: *есть другая женщина*. И третье: *ее судьба может быть более великой, чем твоя*.

– Шут, – твердо произнесла Сифэн. Ее глаза застилала пелена, как в тот день, когда ей привиделось, как она уничтожает Нин. Внезапно каждую клеточку ее тела пронизала неодолимая жажда сжечь деревце до корней, поднести к его ветвям горящий факел и с наслаждением наблюдать, как пламя превращает их в осыпающийся пепел. Еще мгновение назад хранимая *тэнгару* величайшая святыня, а теперь – горстка тлеющих угольков, чья жизнь мимолетна. А там посмотрим, сможет ли Шут – этот прелестный мечтательный Шут с длинными ресницами – помешать Сифэн воплотить ее великое предназначение.

Однако мысли ее вскоре прояснились и от злобы не осталось и следа. Представив умирающими эти чудесные бело-розовые соцветия, она почувствовала, как по щеке ее катится слеза.

– Если это дерево предназначено *для нее*, надеюсь, она сможет его найти.

– Ах! – Улыбка королевы таила в себе невыразимую печаль. Она положила лапку на руку Сифэн.

– Боюсь, вся твоя жизнь будет сражением с собой, но ты должна всегда помнить *об этой, светлой* стороне своей натуры. Позволь ей победить живущую в тебе тьму, и тогда, кто знает, быть может, именно ты принесешь спасение для всех нас.

– Я не знаю, как победить, – прошептала девушка, слезы обожгли ей глаза. – Как уничтожить эту тварь... это чудовище, которое сидит внутри и не отпускает меня, куда бы я ни шла?

– Тебе придется выбирать, – королева впиалась в нее исступленным, неистовым взглядом. – Ты хочешь стать Императрицей, чтобы обрести власть над своей жизнью, но она у тебя и так уже есть. У тебя есть яд, но есть и противоядие, и ты не отступишь, если таким будет твой выбор. И помни: это будет жестокая битва, если в дело вмешается *он*.

Внезапно Сифэн уловила движение на поверхности пруда. Вода все еще была покрыта легкой рябью, и вдруг на ней появилось темное пятно. Оно напоминало распахнутый зев пещеры, внутри которой скрывался кто-то – девушка это чувствовала – уже давно ее поджидавший. Она в страхе отвернулась, узнав существо, притаившееся внутри.

– Кто он, этот Змеинный Бог? – спросила Сифэн, и ветви деревьев, несмотря на отсутствие ветра, затрепетали.

– Гума ни за что не признается, как много он для нее значит, – ответила королева. – Сифэн, опасайся колдовства, которое кажется слишком легким. Все имеет свою цену, она теперь знает это, узнаешь и ты. Для некоторых видов колдовства нужна кровь. Но есть и такое, для которого необходима часть тебя самой и которое съедает твою душу.

Лапка королевы напряглась, прижавшись подушечками к руке Сифэн.

– Он научил ее всему, но твоя тетя еще не полностью с ним расплатилась.

Инстинкт подсказал Сифэн, что *тэнгару* подразумевала не деньги. В таком случае, что же Гума была должна этому человеку? По траве пробежал ветерок, и девушке показалось, что травинки зашептали: *тебя, тебя, тебя*.

Пруд снова покрылся рябью, и на его поверхности отразилась Гума, она глядела вверх и, кажется, узнала Сифэн. Губы тетки печально и беззвучно назвали племянницу по имени, и покрывало из воды, разделявшее их, затрепетало.

– Ты на нее очень похожа. В вас обеих вода – стихия, которая дает вам волю принимать решения и действовать самостоятельно. Вас влечет друг к другу, словно два потока, сливающихся в одну реку.

Королева направилась к своей пагоде между деревьев. Тени от мостика нарисовали полосы на ее медного цвета фигурке.

Сифэн поднялась, во рту у нее пересохло:

– Пожалуйста, не уходите, не оставляйте меня одну.

Тэнгару обернулась с выражением сострадания на древнем лице.

– Ты не одна. Со временем ты получишь ответы на все свои вопросы, но не от меня. И все же, я дам тебе один последний совет.

– Я с почтением его выслушаю.

– За колдовство и знание часто приходится платить кровью, у которой тоже есть цена. И ты расплачиваешься каждый раз, когда добываешь кровь из бьющегося сердца. Постарайся не заплатить слишком высокую цену, ведь ты пока не понимаешь, что сколько стоит. Красота не стоит твоей души.

Она знала про кроликов. Сифэн охватило негодование. Что может знать демон о притягательной силе ее лица, единственного дара, которым наградили ее боги? Однако, когда королева приблизилась к ней, окутанная ароматом белоснежных цветов лотоса, ее раздражение сменилось раскаянием. Кончики рогов *тэнгару* легонько коснулись исцеленной щеки Сифэн.

Вблизи усталость во взгляде *тэнгару* была особенно заметна, так же как и слабость ее тела, напоминающего нежные веточки яблоневого дерева. Земля и Фэн Лу осиротеют без нее и уже никогда не будут прежними.

– Кто будет хранить эту поляну в ваше отсутствие? – спросила Сифэн, с удивлением почувствовав печаль в собственном голосе.

– После меня будет другая. Не бойся. Мы все должны охранять дарованные нам сокровища и сражаться за них, – ее взор проник в место под мятежным сердцем Сифэн.

– Спасибо, ваше величество, за доброту.

– Хотела бы я знать, доброта ли это? Спокойной ночи, Сифэн, – мягко промолвила королева демонов, возвращаясь под сень своих деревьев. – И если однажды ты вернешься в Великий Лес, отнесись к нему с почтением. Мое тело скоро обратится в прах. Мы не встретимся больше.

12

Сон Сифэн был крепок, но все же на следующее утро она чувствовала себя разбитой, вспоминая загадки и недосказанность в речах королевы. Даже если у нее и была способность уничтожить находившееся внутри нее, это не меняло того факта, что она приютила в себе чудовище.

Она присоединилась к сидящим за столом, на котором были вновь разложены коренья, орехи и сладкие красные вишни. Однако Вэй и Хидэки мало обращали внимания на еду: их больше беспокоило состояние Сиро. За ночь рана на плече посланника изменилась в худшую сторону.

– О боги, ваша одежда намочена от крови, – не обращая внимания на возражения, Хидэки стянул мундир с плеча Сиро, обнажив рану с неровными краями, которая приобрела зловещий желто-зеленый оттенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.